

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рина
Сивая

Троиза
для ПИЛОТА ⚡

Семья. Преданность. Всегда.

18+

Рина Сивая

Гроза для Пилота

<https://litres.ru/74668689>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОДНОТОМНИК, МОЖНО ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО

Она пришла в его мир с одной целью. Влюбляться в планы не входило.

Эрика Гордон по прозвищу Гроза знает, как драться. Семь месяцев на заводе «Титан», подпольные бои и чужое внимание – всего лишь часть пути к человеку, ради которого она здесь оказалась.

Нико «Пилот» Лоредано, капо семьи Орсини, привык сам выбирать курс. Людей. Правила. Риск. Но девчонка, способная уложить на ринге мужика вдвое тяжелее себя, слишком быстро превращается из любопытства в проблему, которую ему совсем не хочется решать.

Он не знает, зачем она появилась в его жизни.

Она знает это слишком хорошо.

Гроза должна выполнить приказ и уйти. Вот только впервые чужое решение перестает казаться ей правильным.

Потому что Пилот не пытается её приручить.

Он просто летит прямо в грозу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Пилот	6
Глава 2. Пилот	13
Глава 3. Гроза	21
Глава 4. Гроза	31
Глава 5. Пилот	45
Глава 6. Пилот	57
Глава 7. Гроза	69
Глава 8. Гроза	86
Глава 9. Пилот	97
Глава 10. Гроза	116
Глава 11. Гроза	131
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Рина Сивая

Гроза для Пилота

Пролог

Самое сложное в работе под прикрытием – это не отыгрывание определенной роли, как многие думают. И даже не потеря настоящего, собственного «я». И не возможность перепутать стороны.

Это ожидание.

Потому что порой тебе приходится провести в новой шкуре не месяц и не два, прежде чем вокруг начнет происходить то, ради чего тебя сюда отправили.

В моем случае потребовалось двести сорок четыре дня. Восемь очень долгих месяцев, на протяжении которых я вживалась в роль Эрики Гордон, суровой женщины, которой довелось пройти несколько горячих точек, но не повезло найти себя в этом мире – и поэтому она пошла на подпольные бои.

Не в качестве зрителя. В качестве участника.

Десятки драк. Сбитые костяшки, рассеченные брови и столько синяков, что я давно перестала их считать. И, что забавно, гонорары, которые с лихвой перекрывали месячную зарплату сотрудника ФБР.

Не сразу, конечно — кто с первого раунда начнет платить неизвестной девчонке нормальные бабки? Но спустя пару-тройку месяцев меня начали узнавать.

Гроза — такое прозвище мне дали работяги, которые приходили поглазеть на мордобой после каждой своей тяжелой смены. Их забавляло то, как я раз за разом отправляла мужиков в нокаут.

Меня — нет.

Я дралась не потому, что подобное приносило мне удовольствие. И не потому, что этого требовала легенда.

Я дралась, потому что иначе переставала чувствовать себя живой.

Замах, блок, защита. Это было понятно. Это было знакомо. Это было... по-настоящему.

И это было очень в тему, пока в моей жизни не появился Нико Лоредано.

Стоило прикончить его в первом же бою, когда нас поставили друг против друга. Но...

Я не смогла.

Глава 1. Пилот

За три месяца до финала «Куколка для Джокера»

— Удивлен, что ты не там.

Джокер кивнул вниз – туда, где под балконом очередного полузаброшенного склада сформировали импровизированный ринг.

— Не сегодня, — ответил я, занимая место у перил рядом с ним.

Сандро Мещино держал несколько бойцовских клубов. В каких-то за условную сотню мог выйти любой желающий. В некоторых – типа нынешнего – отбор бойцов был куда как строже. Но все, конечно, стремились попасть на так называемые «золотые бои» – представления, которые Джокер Орсини устраивал для самой требовательной публики. Там за один вечер можно было заработать больше, чем за год получал несчастный работяга на заводе. И, конечно, желающих выступить на таком ринге было огромное количество.

Но Сан никогда не допускал, чтобы на его «мероприятиях» появлялись непроверенные люди. Поэтому тропинка к «золотым боям» была протоптана таким образом, чтобы слабые отсеивались сами, а уже среди оставшихся Джокер выбирал подходящих кандидатов.

Лично.

Потому что этот самоуверенный мудак мог сколько угод-

но вести себя как последняя скотина, но дело свое знал.

Шоу Меццино устраивал знатные. Это у него не отнять.

— Проводишь селекцию? — уточнил я, когда одна из длинноногих девчонок Меццино принесла мне бутылку пива.

— Надо чем-то развлекать город, пока наш дон занят своей женой, — совершенно серьезно ответил Сандро, не отрывая взгляда от ринга — там как раз начинался очередной поединок. — Тебя вписывать в афишу?

Я пожал плечами и тоже уставился вниз.

— Когда я отказывался надавать кому-нибудь по морде?

Меццино хмыкнул, но ничего не сказал.

Первый бой закончился минуты через три: здоровенный лысый мужик, которого я поставил бы победителем еще до гонга, неожиданно пропустил в челюсть от парня раза в полтора его меньше и рухнул на настил.

Толпа взревела.

— Этот, — бросил Сандро.

Стоявший в нескольких шагах от нас Джейк тут же что-то отметил в телефоне.

Я покосился на Меццино.

— Seriously?

— А что? — не глядя на меня поинтересовался Сан.

— Он три минуты бегал по рингу.

— Зато красиво бегал.

Я хмыкнул и снова отпил пива.

В этом был весь Джокер.

Я смотрел на бой и видел технику. Скорость, реакцию, силу замаха. Видел, когда человек неправильно ставил ногу, слишком широко раскрывался или начинал беречь левый бок после первого же пропущенного туда удара.

Сандро видел совсем другое: ему было плевать, кто из этих двоих сильнее — он выбирал не бойцов.

Он выбирал актеров.

Меццино мог забраковать здоровенного ублюдка, который укладывал противника за двадцать секунд, и через пять минут ткнуть пальцем в какого-нибудь среднего бойца только потому, что тот красиво сплевывал кровь, поднимался после каждого удара и с совершенно безумной рожей снова лез вперед.

На «золотые бои» приходили не ради спорта. Туда приходили за шоу. И в этом Сандро действительно разбирался лучше всех нас.

Следующая пара продержалась дольше. Один был хорош — даже очень хорош. Двигался грамотно, не суетился, бил коротко и точно. Второй уже к середине боя дышал ртом и дважды едва не оказался на полу.

— Вон тот, — произнес Сандро.

Я проследил за его взглядом.

— Который проигрывает?

— Угу.

— Ты ебанутый.

— Возможно.

Джейк опять сделал пометку.

— Он слабее, — заметил я.

— И?

Я повернул голову.

Меццино наконец оторвался от ринга и посмотрел на меня как на особенно тупого ребенка.

— Нико, мне не чемпионат мира проводить. Мне нужно, чтобы люди купили билет на следующий бой.

Я снова посмотрел вниз.

Проигрывающий как раз получил по морде, пошатнулся, чудом удержался на ногах и вместо того, чтобы отойти, оскандился окровавленным ртом.

Толпа взорвалась.

— А-а, — протянул я.

Сандро усмехнулся.

— Вот именно.

Минут через двадцать я уже начал развлекаться тем, что пытался угадать его выбор.

Получалось через раз.

Иногда я понимал сразу. Иногда Меццино заставлял Джейка записать человека, которого лично я больше никогда не выпустил бы на ринг. Один слишком много болтал. Другой откровенно красовался перед публикой. Третий после победы зачем-то полез через ограждение целоваться с какой-то девчонкой в первом ряду.

Всех троих Сандро оставил.

— Ты цирк собираешь, — заключил я.

— Наконец-то дошло.

Я уже собирался послать его нахер, когда Сандро глянул куда-то вниз и коротко усмехнулся.

— Это она? — уточнил он у хмурого Джейка. Тот кивнул.

На ринг вышла женщина.

Я сначала даже не понял, что именно меня зацепило. Баб здесь обычно хватало: они принимали ставки, таскали выпивку, крутились вокруг бойцов и периодически сами лезли выяснять отношения так, что мужики рядом предпочитали не вмешиваться.

Но на ринге их не было. Точнее, я не видел ни одной с тех пор, как приехал сегодня.

Белобрысая девчонка стянула через голову толстовку, бросила ее за ограждение и осталась в черной спортивной майке. Невысокая. Не хрупкая, но и ничего такого, от чего хотелось бы срочно отодвинуться подальше.

Напротив нее уже разминал плечи мужик килограммов на двадцать тяжелее.

Я перевел взгляд на Сандро.

— Баба дошла до твоей селекции?

— Эта — дошла.

Что-то в его тоне заставило меня посмотреть на девчонку еще раз.

— Знаешь ее?

— Нет. Джейк знает.

Я вопросительно глянул на того.

— Гроза, — сообщил он. — Месяца четыре, наверное, мотается по боям. Может, пять. В основном на заводе.

— На каком заводе?

Джейк посмотрел на меня так, что сразу стало понятно: ответ мне не понравится.

— На «Титане».

Я медленно опустил бутылку.

— На моем заводе?

Сандро заржал.

— Пилот узнал, что происходит на территории, которую крышует! Исторический момент. Ты там вообще бываешь?

Я сморщился.

— Иди нахуй.

— Обязательно.

И снова повернулся к рингу.

Теперь белобрысая интересовала меня куда сильнее. Не в том смысле, что я не видел дерущихся баб – видел, и достаточно даже на боях Сана. С некоторыми дрался сам. А эта каким-то образом несколько месяцев дралась на нелегальных боях прямо у меня под носом, а я узнавал об этом от людей Джокера.

Ладно. Оправдаю себя тем, что на заводе я правда бывал не часто – только когда там что-то случалось. А пока все было тихо.

— И как она? — спросил я сразу у всех.

— Настырная, — ответил Джейк. — Говорят, шпарит как не в себя. Начиная за копейки, сейчас на нее уже отдельно приходят смотреть.

— Побеждает?

— Часто.

Я окинул взглядом ее противника: тот явно не собирался делать скидку ни на пол, ни на разницу в весе. И правильно. Раз уж вышла сюда — сама знала, куда лезла.

Девчонка тем временем подняла руки.

Исчезла расслабленность, с которой она только что стояла посреди ринга. Плечи опустились. Подбородок ушел ниже. Вес сместился на носки.

Я машинально выпрямился у перил.

А вот теперь стало интересно.

Ударил гонг. И Гроза первой бросилась вперед.

Глава 2. Пилот

Ударил гонг, и Гроза первой бросилась вперед.

Неожиданно. При такой разнице в весе я бы на ее месте поставил противника двигаться самому. Погонял бы по рингу, дал выдохнуться, посмотрел, что он вообще умеет, и только потом полез ближе.

Но девчонка, похоже, решила иначе.

Первый удар мужик отбил. От второго ушел, отступив на полшага, и тут же попытался достать ее справа.

Не достал.

Гроза нырнула под рукой, оказалась сбоку и коротко ударила в корпус.

— Неплохо, — пробормотал я.

Сандро ничего не ответил.

Мужик развернулся и пошел на нее уже серьезнее – Грозе пришлось отступать. Шаг. Еще один. Противник решил, что она поплыла, и ускорился.

Зря – я понял, что она собиралась сделать, за секунду до того, как девчонка резко сместилась в сторону. Мужик пролетел мимо.

Толпа заржала.

Он тоже понял, что его только что выставили идиотом. Развернулся, зло сплюнул на настил и снова двинулся вперед.

— Не заводись, — негромко посоветовал я ему.

Конечно, он меня не услышал. Зато Гроза, кажется, именно этого и добивалась: вывести противника из равновесия.

Она больше не лезла первой. Крутилась вокруг, пропускала мужика мимо себя, иногда огрызалась короткими ударами по корпусу и снова отходила.

Здоровяк бесился. Толпа — заводилась, и каждый раз, когда он промахивался, вокруг ринга становилось громче.

Я покосился на Сандро — тот предвкушающе улыбался. Ему уже было плевать, выиграет девчонка или нет: Джокер ее выбрал.

А мне вот было интересно, и я снова опустил взгляд вниз.

Гроза пропустила удар в плечо, пошатнулась, но устояла. Тут же зарядила сопернику по ребрам. Еще раз. Отскочила прежде, чем бугай успел ее достать.

Быстрая. И голову не теряла — это нравилось мне куда больше.

На подпольных боях хватало придурков, способных красиво махать кулаками, пока все шло по их плану. Первый хороший удар обычно быстро показывал, кто действительно умел драться, а кто просто очень любил производить впечатление.

Гроза впечатление производила. Но, кажется, совершенно об этом не думала.

Она вообще почти не смотрела на зрителей, не заигрывала с ними, как многие. Понравится им явно не входило в спи-

сок ее задач – она даже руки не вскидывала после удачного попадания.

Странно для человека, на которого, по словам Джейка, уже приходили смотреть отдельно.

Она просто дралась. Словно... получала от этого удовольствие?

Мужик с громким рыком снова полез вперед.

— Сейчас, — тихо сказал я сам себе.

— Что? — переспросил Джейк.

Я кивнул на ринг.

Гроза пропустила противника ближе. Тот поверил, что добыча сдастся, и еще сократил дистанцию. И в тот момент, когда он замахнулся, Гроза шагнула навстречу.

Удар вышел коротким, даже не особенно эффектным. Зато громила замер, будто кто-то выключил его из розетки, а через секунду рухнул на колени.

Вокруг ринга зрители взорвались довольным ревом. Крики, аплодисменты, какие-то пошлые выкрики – все слилось в одну отвратительно счастливую какофонию звуков.

Гроза отступила на два шага и спокойно ждала, пока ее противник придет в себя.

— Вставай, — пробормотал я ему.

Мужик попытался. Не смог.

Гонг потонул в реве толпы. Белобрысая опустила руки, подняла голову и только теперь будто вспомнила, что вокруг существовали другие люди.

Кто-то возле ринга заорал:

— Гро-за!

Еще несколько голосов подхватили:

— Гро-за! Гро-за!

Она поморщилась. Я усмехнулся.

— А публику-то свою как любит!

— Это взаимно, — заметил Джейк, не распознавший моего сарказма.

Сандро протянул руку — его помощник вложил в нее телефон. Меццино что-то быстро набрал и вернул аппарат обратно.

— Берешь? — спросил я.

Сан посмотрел на меня.

— А ты бы не взял?

Я снова посмотрел вниз.

Гроза уже забирала толстовку. Натянула ее прямо поверх майки, откинула с лица растрепавшиеся светлые волосы и направилась к выходу, совершенно не интересуясь тем, что половина склада продолжала орать ее имя.

— Взял бы, — признал я.

— Вот и я возьму.

— В «золотые»?

Сандро фыркнул.

— С фига ли? За один бой?

— Ты пять минут назад записал мужика за то, что он красиво получил по морде, — напомнил я.

— Он харизматично получил по морде. Не путай.

Я заржал.

— И что дальше?

Сандро пожал плечами.

— Посмотрим еще пару раз. Если не сдуется – дам бой повыше.

Я кивнул, но от перил не отошел.

Внизу уже готовились к следующему бою. Кто-то вытирал настил, кто-то орал на зрителей, заставляя их отойти подальше, а на ринг забирался очередной желающий получить по морде ради призрачного шанса однажды заработать нормальные деньги.

Грозы нигде не было.

— А кто ее привел? — спросил я.

Если она дралась на «Титане», это еще полбеда – местное движение бойцовского клуба работало само по себе, лишь отстегивая в карман Джокера сущие крохи. Попасть туда мог любой желающий, и не обязательно для этого было стоять у станка.

Другое дело – мероприятия типа сегодняшнего. Бойцов с улицы здесь уже не было – сюда приходили по приглашению от числа тех, кому Сан дал такое право. Таких человек с десять во всей Санта-Люминии наберется.

Я повернулся к Джейку. Бессменный бугай за спиной Джокера – один из тех, кто как раз мог такое приглашение дать.

— Ее посоветовал Бен.

Ага, значит я был прав: Грозу притащил пес Меццино. А ее в свою очередь толкал один из смотрящих на заводе.

— Хьюз? — уточнил я.

— Он самый, — подтвердил Джейк.

Бен Хьюз работал на «Титане» еще до того, как завод окончательно перешел под Орсини, знал там каждую крысу и умел организовать драку так, чтобы к утренней смене от нее оставались только разбитые рожи участников. Иногда еще кровь на полу, если уборщики ленились.

Хьюз никогда не задавал лишних вопросов, не лез туда, куда не следовало, и исправно отстегивал положенную долю.

Значит, Гроза появилась не из ниоткуда. Это я ее пропустил.

Неприятное открытие.

— А что? — протянул Сандро.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Ты уже минуту расспрашиваешь про одну бабу, — пояснил Меццино.

— Я расспрашиваю про то, что происходит на моем заводе.

— Надо просто чаще на нем бывать, — пожал плечами Джокер, и я чуть не вылил остатки пива ему на голову.

Вообще-то за «Титаном» я следил исправно, просто в последнее время мне было немного не до того, кто кому набил морду после смены.

Пока Ли Чэн развлекался тем, что проверял терпение Орсини на прочность, у меня хватало занятий поважнее. За последние пару месяцев люди Триады дважды пытались су-нуться на наши склады, один раз полезли к поставщикам и еще несколько раз устроили мелкие проблемы там, где их никто не ждал. Ничего серьезного. Пока. Но именно из таких мелочей обычно складывалось большое дерьмо, если вовремя не дать понять, где заканчивалась чужая территория.

Поэтому на «Титане» я появлялся по делу: приехать, поговорить с нужным человеком, проверить груз, решить проблему – и свалить дальше.

А пятничные бои как-то незаметно выпали из расписания, как и то, кто именно на них побеждал.

Джокер, конечно, об этом знал. Но показать собственное превосходство ему было важнее – ведь он умудрялся следить сразу за кучей заведений Орсини, почти не выходя при этом из своего борделя.

Доказывать ему что-то я не стал – мысленно послал в задницу и снова перевел взгляд на толпу.

Грозы там уже, конечно, не было. Но это не мешало мне продолжать о ней думать.

Как боец она была хороша, причем, именно как настоящий боец, а не актер на «золотых боях» Меццино. Если ее чутка поднатаскать, я бы, возможно, взял девчонку и в ряды своих парней – тут главное, чтобы она не оказалась слишком правильной, потому что мои люди занимались действитель-

но грязными делами, в отличие от бабочек Джокера.

А с другой стороны, хороших бойцов я видел сотни, и многие из них перегорали быстрее, чем взлетали на самый верх.

Здесь же – девчонка. Завтра ей в башку ударят гормоны, великая любовь или желание размножиться, и о боевой Грозе можно будет забыть.

Но как она оказалась на моем заводе, и почему я ее пропустил, надо бы узнать. Любопытно же.

Глава 3. Гроза

Станок снова зажевал заготовку.

Я выругалась, ударила по красной кнопке и дождалась, пока противный металлический скрежет наконец стихнет.

— Гордон!

— Я вижу!

— Если видишь, какого хрена он опять стоит?

Я показала мастеру средний палец. Тот показал мне в ответ два. За неполные семь месяцев работы на «Титане» наши отношения достигли практически семейной близости.

Вообще, когда отец сообщил, что следующим этапом операции станет сталелитейный завод, принадлежавший Орсини, я почему-то представляла все немного иначе. Не знаю как, но точно без двенадцатичасовых смен, металлической стружки в самых неожиданных местах и мужиков, которые считали дезодорант необязательным достижением цивилизации.

ФБР подготовило для меня прекрасную легенду. Жаль, никто не подумал добавить в нее пункт о том, что Эрика Гордон умеет работать на долбаном станке.

Приходилось учиться. Каждый гребаный день.

К обеденному перерыву руки гудели так, будто вчерашнего боя не было вовсе, а мужик, которого я отправила на настил, успел встать и последние четыре часа методично изби-

вал меня в ответ.

Я забрала из шкафчика контейнер, устроилась за длинным столом в комнате отдыха и успела съесть примерно половину сэндвича, когда напротив опустился старик Бен — в привычном замызганном синем комбинезоне, с грязными руками и отсутствующим верхним клыком во рту.

— Пойдешь? — уточнил он, опустив такую ненужную в жизни вещь, как вежливое приветствие.

Ему было чуть больше шестидесяти, и он был примером того типа людей, которым старость вообще не мешала творить дичь. Например, заниматься курированием подпольных боев на крупном производстве под крышей мафии.

У ФБР на него была целая папка. Жаль, почти бесполезная: Бен десятилетиями крутился рядом с Орсини, но так и не дал Бюро ничего, за что его можно было всерьез прижать.

Я продолжила жевать, хмуро глядя на него так, как всегда смотрела Эрика Гордон.

— Куда?

Хьюз посмотрел на меня как на идиотку.

— Сегодня пятница.

А, пятница. Пришлось отложить сэндвич.

Драки на «Титане» не были частью первоначального плана. Они вообще оказались приятным сюрпризом, обнаружившимся примерно через три недели после моего устройства сюда.

Сначала я просто смотрела. Потом один раз вышла. Потом

еще. А потом выяснилось, что мужики готовы платить деньги, чтобы посмотреть, как сучка Эрика получает по морде.

Еще охотнее они платили, когда по морде получал кто-нибудь от меня.

— Сколько? — спросила я.

— Триста за выход. Семьсот, если победишь.

Я снова взяла сэндвич.

— Пойду.

— Даже думать не будешь?

— А чего тут думать? Деньги нужны.

Бен хмыкнул, кивнул вместо «договорились» и свалил искать следующих идиотов, готовых подставиться под чужие кулаки.

Деньги тут были нужны всем. Кроме меня.

Бюро исправно платило зарплату. Гонорары за бои уже несколько месяцев лежали на отдельном счете почти нетронутыми.

Но Эрика Гордон для всех оставалась дурой, которая с трудом сводила концы с концами, а я за двести с лишним дней научилась никогда не выходить из роли.

Даже когда никто не смотрел.

К восьми вечера я успела дважды пожалеть о своем решении. В первый раз – когда станок зажевал еще одну заготовку. Во второй – когда мастер сообщил, что за испорченную деталь вычтет из зарплаты. Поэтому к моменту, когда смена закончилась, семьсот баксов за победу уже не казались такой

уж плохой идеей — я всерьез планировала потратить их на бутылку хорошего алкоголя, с одного глотка которого можно было уснуть и не проснуться до самого утра.

Раздевалка быстро пустела. Кто-то торопился домой, кто-то — в бар через две улицы, а человек двадцать потянулись совсем в другую сторону.

Я пошла вместе с ними.

За семь месяцев я успела изучить «Титан» достаточно хорошо. Огромный сталелитейный завод жил своей жизнью даже ночью: где-то продолжали грохотать станки, по территории ползли погрузчики, над цехами горели редкие фонари.

Бои устраивали в старом ремонтном ангаре, который официально уже несколько лет не использовался. А неофициально по пятницам там собиралась едва ли не половина ночной смены.

Сегодня у входа было непривычно многолюдно.

Я замедлилась.

— Что случилось?

Шедший рядом парень из прокатного цеха пожал плечами.

— Пилот приехал.

Я остановилась всего на секунду, а после дала себе мысленный подзатыльник и снова изобразила на лице равнодушие, подстраиваясь под чужой шаг.

— И?

Парень бросил на меня быстрый настороженный взгляд

— Ничего. Просто давно не приезжал.

Я кивнула, будто имя ничего мне не сказало.

Пилот. Нико Лоредано.

Капо семьи Орсини. Один из ближайших людей Стального Дона. Курировал «Титан», оружие и еще несколько направлений, до которых ФБР очень хотело добраться и никак не могло.

А еще вчера он стоял рядом с Сандро Мещино на балконе – я его видела всего один раз, мельком. Но не узнать единственного рыжего криминального авторитета было невозможно.

Второй раз смотреть на него я себе не позволила.

— Драться будет? — спросила я.

— Хрен его знает. Может.

Прекрасно.

Семь месяцев. Семь капец каких длинных месяцев я вставала в пять утра, торчала по двенадцать часов у ненавистного станка, жрала сэндвичи в компании людей, половина которых не умела пользоваться душем и мылом, и регулярно позволяла каким-то мудакам бить себя по лицу.

И вот один из людей, ради которых все это затевалось, сам пришел ко мне.

— Гордон!

Я подняла голову – Бен махнул мне от импровизированного ринга.

— Первый или второй?

Этот мудук уже записал меня – и наверняка поставил гораздо больше, чем обещанные мне семь соток.

Но ничего. Сегодня у меня слишком хорошее настроение, чтобы возмущаться.

Я стянула толстовку и двинулась вперед.

— Первый.

И только потом позволила себе посмотреть в сторону зрителей на верхнем ярусе: рыжая макушка нашлась почти сразу.

Прекрасно. План наконец-то давал свои плоды.

На ринге против меня оказался Томми из литейного – я его знала. Не лично, конечно: мы пару раз сталкивались на боях, но друг против друга еще не выходили. Здоровый, тяжелый и достаточно тупой, чтобы считать последнее своим преимуществом.

— Только не плачь, Гордон, — ухмыльнулся он, забираясь на огражденную веревками площадку.

— Если проиграешь?

Вокруг заржали. Томми показал мне средний палец.

Обычный вечер пятницы. Обычный бой.

Вот только сегодня где-то наверху стоял Нико Лоредано.

Смотреть на него было нельзя, я постоянно себе это напоминала. Если Эрика Гордон столько времени не интересовалась хозяевами завода дальше того, кто и когда выдаст ей зарплату, она не могла внезапно начать пялиться на одного из них только потому, что он соизволил появиться на мест-

ных боях.

Поэтому я смотрела на Томми, хоть он этого не заслуживал от слова совсем.

Удар по железке, которая заменяла тут гонг, вышел оглушительным.

Идиот двинулся первым и тут же замахнулся. Я ушла от удара, ответила в корпус и тут же отступила.

Томми развернулся.

Еще удар. Блок. Шаг назад.

Все как всегда, только почему-то впервые за последние несколько месяцев мне приходилось напоминать себе, что именно означало это «как всегда».

Не торопиться.

Не показывать всего, что умею.

Не выигрывать слишком легко.

Эрика Гордон была хороша, но не настолько хороша, насколько могла быть я.

Томми снова полез вперед, и на этот раз я позволила ему достать меня по ребрам – больно, но зато правдоподобно.

— Давай, Гроза! — заорали откуда-то справа.

Я поморщилась и двинулась дальше.

Еще минута, максимум две, а потом можно будет поднять голову и проверить, смотрит ли он.

Я поймала себя на этой мысли и едва не пропустила следующий удар.

Идиотка. Разумеется, смотрит! Иначе какого хрена Нико

Лоредано вообще оказался сегодня здесь?

Наверняка моя вчерашняя победа его заинтересовала. Может, кто-то сообщил ему, что это – та самая Гроза с «Титана». Но черта с два я поверю, что Пилот явился сюда совершенно случайно.

Нет, Эрика Гордон, может, и не заслуживала такой чести, и вряд ли ее очередная победа будет стоить потраченных на выпивку денег. Зато агент Меган Дарт явно имела право пропустить сегодня стаканчик за свои успехи.

От этой мысли настроение улучшилось еще сильнее – настолько, что Томми мне почти стало жалко.

Я пропустила очередной замах мимо себя, шагнула ближе и ударила под ребра. Он шумно выдохнул, согнулся – и тут же получил коленом в челюсть. Не сильно: ровно настолько, насколько требовалось Эрике Гордон.

Томми качнулся.

— Давай! — заорали вокруг.

Он выпрямился – упрямый, но мне это даже на руку. Я дала ему секунд десять, чтобы прийти в себя и снова встать в стойку, а потом закончила.

Металлический гул раздался почти сразу после того, как Томми грохнулся на настил. Легчайшие семьсот баксов – я довольно выдохнула и подняла голову.

Пилот все еще был наверху и смотрел прямо на меня.

Теперь я позволила себе не отводить взгляд сразу – Эрика вполне могла заинтересоваться мужиком, который пялился

на нее после боя. Особенно если этот мужик был рыжим, здоровым и вполне симпатичным – последнее, правда, к делу отношения не имело, но профессиональная оценка требовала отметить и этот факт.

Я чуть приподняла бровь – Пилот усмехнулся.

А потом оттолкнулся от перил и свернул в сторону спуска.

Я, уже подхватившая толстовку, замерла в углу ринга и проводила его взглядом до лестницы. Потом до нижнего яруса. До прохода, который появлялся перед Лоредано сам собой.

Он шел и улыбался всем, с кем-то обменивался кивками, с кем-то – настоящими рукопожатиями. Не «босс приехал», нет. Это выглядело так, как будто приехал любимый всеми идиот, с которым можно было выпить или подраться.

Последняя мысль заставила улыбку медленно сползти с моего лица.

Нет. Нет-нет-нет. Не может этого...

— Гордон! — окликнул Бен.

Я повернула голову.

Он сиял как сука, только что сорвавшая джекпот.

— Второй пойдешь?

— Нет.

— Полторы тысячи.

— Я сказала...

— Две.

Я замолчала. Бен ухмыльнулся.

— За победу.

— А за выход?

— Пятьсот.

Я посмотрела ему за спину – Нико Лоредано уже снимал куртку.

Вот же блядь.

Семь месяцев я пыталась подобраться к Орсини.

Кажется, стоило заранее подумать, что буду делать, если один из них подойдет слишком близко.

Глава 4. Гроза

До последнего какая-то часть меня верила, что Лоредано просто стало жарко. Но ей пришлось заткнуться, когда Пилот пригнулся и шагнул под тросом, ограничивающим ринг.

Он улыбался – вот что выбивало меня из колеи больше всего. Не скалился, как большая часть стандартных противников, и не издевательски усмехался, как делала другая часть. Нико Лоредано улыбался так, будто собирался хорошенько повеселиться.

За мой счет.

— Привет, зайка, — воскликнул он, замирая в паре метров от меня. — Как насчет немного размяться?

Мне показалось, вокруг нас стало тише.

— Как насчет собрать свои зубы с пола, если еще раз назовешь меня зайкой? — поинтересовалась я, возвращая толстовку на стойку в углу.

Улыбка стала шире.

— А ты мне нравишься.

— В очередь.

— Большая?

— Тебе места не хватит.

Кто-то рядом заржал – я даже не стала проверять кто: слишком внимательно следила за Лоредано.

Он тем временем стащил через голову футболку и

небрежно бросил ее за ограждение.

Вот теперь смотреть стало немного сложнее.

В своей жизни я видела достаточно хорошо сложенных мужиков: армия, Бюро и последние месяцы подпольных боев давно избавили меня от способности впечатляться голым торсом. Но одно дело – фотография в досье. Другое – живой Нико Лоредано в нескольких метрах от тебя.

Рыжий. Полуголый. Улыбающийся. Слишком довольный происходящим.

И, судя по тому, как двигался, действительно умеющий драться.

Последнее волновало меня куда больше всего остального. Почти.

— Правила помнишь? — спросил Бен.

Пилот посмотрел на него с искренним оскорблением.

— Хьюз, я придумал эти правила, когда ты еще выглядел молодым.

— Я никогда не выглядел молодым.

— Справедливо.

Вокруг снова засмеялись.

Прекрасно. Толпа явно обожала своего хозяина – это было полезно запомнить.

Я машинально отметила реакцию людей вокруг, несколько лиц, тех, кто стоял ближе остальных, но додумать не успела.

Лоредано посмотрел на меня и улыбаться почему-то пе-

рестал.

Его взгляд прошелся по моим ногам, рукам, плечам — быстро, внимательно и совершенно не так, как мужчина обычно разглядывал женщину.

Он оценивал противника.

Но всего секунда, и снова появился Пилот.

— Готова, зайка?

Сука.

— Теперь точно выбью, — процедила я и размяла плечи.

— Один подарю тебе просто так, — усмехнулся Лоредано.

Наверняка на эту улыбку велось большинство дам в возрасте от восемнадцати и выше. Но не Эрика Гордон. И уж точно не Меган Дарт.

— Второй заберу сама, — пообещала я.

— Тогда придется знакомиться ближе.

Металлический удар не позволил мне ответить точно так же, как и сам Пилот.

Он дернулся в мою сторону сразу — не стал давать привычный осторожный первый круг, которым большинство бойцов прощупывали соперника. Еще секунду назад он стоял в нескольких шагах от меня, а теперь оказался рядом.

Слишком быстро — я едва успела поставить блок.

Удар пришелся в предплечья с такой силой, что меня протащило назад.

Охренеть у него силы!

Пилот отступил сам.

— Неплохо, — явно похвалил он.

— Иди нахрен! — выругалась Эрика во мне.

— А вот это уже не спортивно.

Теперь я атаковала первой – Лоредано ушел так легко, словно забавлялся с ребенком. Ударила еще раз – Нико отбил руку и тут же попытался достать меня сбоку. Пришлось нырнуть, уйти ниже и разорвать дистанцию.

Он не стал преследовать: стоял напротив, чуть покачиваясь с носка на пятку, и продолжал улыбаться.

Будто мы не дрались, а действительно игрались.

Это бесило. А еще мешало.

Я привыкла к противникам, которых можно было прочитывать. Злость делала движения резче. Страх заставлял отступать. Самоуверенность открывала подбородок и заставляла лезть вперед раньше времени.

Лоредано выглядел так, будто ему было просто хорошо.

Никакой злости, напряжения или желания доказать, что огромный мужик способен навалить женщине. Только чистый, почти детский азарт.

И это делало его опаснее всех, с кем я выходила на ринг за последние месяцы.

— Ну? — поторопил он.

Я прищурилась.

— Что?

— Вчера ты была веселее.

Значит, он действительно смотрел. Причем не просто ви-

дел бой, а смотрел по-настоящему, как сейчас перед боем — оценивая, цепко.

Это было даже приятно в какой-то степени.

— Сегодня противник хуже, — отбила я.

Последнее время остроты вылетали из меня даже раньше, чем я успевала их оценить с точки зрения здравомыслия.

Для легенды это было прекрасно. Для моего здоровья — не очень.

Лоредано же в ответ расхохотался — громко, искренне, — и толпа ответила ему подбадривающими криками.

— Киса, я тебя обожаю! — снова добавил он словечки из черного списка и полез вперед.

На этот раз я была готова: первый удар ушел мимо. Второй я заблокировала, а на третьем сама сократила дистанцию и ударила его в корпус.

Попала.

Лоредано шумно выдохнул. Я отскочила прежде, чем он успел меня поймать, и не удержалась от улыбки.

— Неплохо, — вернула я ему.

Он провел ладонью по животу, поднял на меня взгляд, и в его глазах появилось что-то такое, от чего я сразу поняла: зря.

Очень зря.

Специальный агент Дарт никогда бы не совершила подобной ошибке. Но Эрике Гордон было простительно.

— Ну все, — довольно произнес Пилот. — Теперь сама

напросилась.

Я встала в стойку и поманила Лоредано пальцами.

— Давай, зайка.

Последнее слово я передразнила – улыбка Пилота стала совершенно счастливой.

— Вот теперь другое дело!

Он снова сорвался с места как молния, и следующие несколько минут мне стало совсем не до улыбок.

Лоредано был хорош. Не просто сильнее или быстрее большинства мужиков, с которыми я дралась последние месяцы, – к этому как раз можно было приспособиться.

Он думал. Менял темп. Не повторял связки. Дважды начинал одинаково и оба раза заканчивал совершенно по-разному. Стоило мне решить, что я наконец поймала закономерность, как Нико будто специально ломал ее и заставлял начинать сначала.

При этом он, скотина, продолжал получать удовольствие.

Я – тоже, но осознала я это лишь после того, как в очередной раз ушла от его руки, поймала открывшийся бок и едва не ударила туда, куда на моем месте ударила бы Меган Дарт с ее подготовкой.

Пришлось менять движение уже на середине: кулак скользнул выше, Пилот закономерно успел закрыться.

А я мысленно выругалась.

Нельзя.

Эрика Гордон умела драться. За последние месяцы я ста-

рательство доказала это всем вокруг и теперь впервые пожалела, что не сделала ее чуточку талантливее.

Потому что с Нико Лоредано хотелось драться по-настоящему. В полную силу.

Он снова пошел вперед – я отступила. Пропустила один удар мимо, второй приняла на блок, от третьего ушла в сторону.

Могла ответить. Не стала.

Лоредано едва заметно нахмурился, но я так внимательно смотрела на него, что заметила сразу же.

Еще через несколько секунд возможность появилась снова: его вес ушел вперед, правый бок открылся ровно настолько, чтобы я могла этим воспользоваться.

Я снова проигнорировала, и тогда Пилот посмотрел на меня уже внимательнее.

Дерьмо. Пришлось ползть самой.

Несколько быстрых ударов, один даже достиг цели, Нико отступил, я двинулась следом и на секунду позволила себе забыть.

Он поймал меня именно на этом: перехватил руку, дернул на себя. Я развернулась, ушла от захвата – слишком чисто – и тут же поняла, что совершила еще одну ошибку.

Пилот тоже понял.

Наши взгляды встретились, и в серо-зеленых глазах мелькнуло любопытство.

Твою мать. Только этого мне не хватало.

Я снова атаковала, заставляя его отвлечься, и следующие полминуты старательно была ровно настолько хороша, насколько положено Эрике Гордон.

А потом Нико оказался у меня за спиной.

Я почувствовала его раньше, чем он успел сомкнуть руку. Уйти было легко, надо было просто шагнуть в сторону, развернуться и перехватить запястье. Если добавить инерцию его собственного движения, через секунду на настиле оказался бы уже Лоредано.

Мое тело даже начало выполнять первое движение, и...

Я остановилась в последний момент, не позволив телу закончить слишком отработанную связку.

Лоредано закончил захват профессионально: одна рука легла поперек моего корпуса, вторая зафиксировала мои руки и плечи. Спина прижалась к горячей груди.

Толпа взорвалась криками.

Вот теперь все выглядело правильно: Эрика Гордон попалась.

Я дернулась – достаточно убедительно, чтобы со стороны это выглядело попыткой освободиться. Нико даже не пошатнулся. Нужно было еще немного побороться, позволить ему закончить и...

— Зайка, — раздалось прямо возле моего уха.

Я замерла.

Голос у Пилота был веселым – слишком веселым.

— Ты хотя бы притворяйся получше.

По спине пробежал холодок.

— О чем ты? — выдохнула я и дернулась еще раз.

Он не пустил.

— О том, что я сейчас держу тебя только потому, что ты сама мне разрешила.

Вот же сука.

Я снова рванулась, теперь уже злее – и снова безуспешно.

— Пусти!

— Сама же пришла.

— Пусти, сказала!

— Ладно-ладно.

И вместо того, чтобы закончить прием, получить победу и свои законные аплодисменты, этот придурок действительно меня отпустил.

Просто разжал руки и отступил.

Я резко развернулась.

— Ты охренел?

— Немного.

— Ты мог закончить бой!

— Мог.

Он пожал плечами.

— Но так неинтересно.

Вот теперь мне действительно захотелось его ударить.

Не Эрике. Мне.

— Ты сдерживаешься, — добавил Пилот уже тише, чтобы услышала только я. — Не знаю, на хрена. Но если еще раз

решишь мне поддаться, я обижусь.

— Очень страшно! — огрызнулась я, мысленно прикидывая, как мне быть.

Раскрывать навыки нельзя. Тихушничать – тоже. Оставалось срочно найти баланс, который устроил бы и меня, и Лоредано.

— Очень, — усмехнулся последний. — Я ранимый.

— Сейчас проверим.

На этот раз я ударила без предупреждения – Пилот заржал и едва успел уйти.

К черту выдержку!

Не в полную силу – я все еще помнила. Но теперь – настолько близко к ней, насколько могла себе позволить.

Нико почувствовал разницу сразу: его улыбка исчезла, брови сошлись ближе, и наконец мы оба перестали валять дурака.

Он ударил – я ушла. Ответила. Пилот поставил блок, но я уже меняла угол. Он успел развернуться, поймал следующий удар предплечьем и сам заставил меня отступить.

Еще. Еще.

Толпа вокруг превратилась в сплошной шум.

Я больше не различала криков, не слышала ставок, не видела Бена. Только Нико.

И это было охренительно.

Он снова достал меня по плечу. Я ответила в корпус. Получила по ребрам, едва не пропустила следующий и все-таки

зацепила его по скуле.

Пилот мотнул головой, провел большим пальцем по уголку рта. Посмотрел на меня.

И улыбнулся.

— А ты бываешь опасна, киса.

Я оскалилась.

— Зубы на месте? — уточнила у него.

— Пока да.

— Жаль.

Он двинулся вперед, я приготовилась ответить. Но...

Удар по железу прозвучал раньше, чем мы успели сойтись.

Я по инерции сделала еще шаг и только потом поняла, что произошло.

Время.

— Да вы издеваетесь! — вырвалось у меня.

Нико остановился напротив.

Он тяжело дышал. По виску стекал пот, на скуле уже проступало красное пятно, но выглядел при этом Лоредано совершенно неприлично довольным.

Я, подозреваю, выглядела не лучше.

— Еще? — предложил он, вопросительно приподняв правую бровь.

— Хоть сейчас! — согласилась я и шагнула ближе

— Гордон! — рявкнул Бен. — Хватит. Ты тут не одна.

— Он первый предложил! — заявила я, оборачиваясь к Хьюзу.

— Не расстраивайся, киса, — подойдя ближе, Нико хлопнул меня по плечу. Я попыталась перехватить его руку, но он успел отскочить. — Обязательно повторим.

Он подмигнул мне и полез под тросом наружу.

Я осталась на месте, совершенно забыв, что именно в таких случаях надо было делать: уходить, одеваться, забирать деньги.

— Эй! — вдруг окликнул Пилот Бена. — Отдай ей все.

Хьюз нахмурился.

— Что – все?

— Все, что поставил на этот бой.

— Победителя нет.

Нико забрал у кого-то свою футболку и вытер ею лицо.

— Поэтому и отдай.

— Мне не нужна подачка, — бросила я.

Пилот уже отвернулся, но остановился – оглянулся через плечо.

— Зайка, если бы я решил подать тебе милостыню, там было бы больше двух штук.

— Я их не выиграла, — попыталась я взбрыкнуть.

— Зато заслужила, — усмехнулся рыжий и натянул на себя майку. — Потрать на что-нибудь полезное.

— Например?

Он задумался буквально на секунду.

— На тренировки.

Я показала ему средний палец.

Пилот рассмеялся.

— Засунь свои деньги себе в задницу! — прорычала я ему в спину.

— Неудобно. Карманы придумали.

И ушел.

Просто развернулся, подхватил куртку и растворился в толпе, по дороге хлопнув кого-то по плечу и снова превратившись из человека, который несколько минут назад пытался впечатать меня в асфальт, в любимого всеми местного идиота.

Я осталась в ринге. Уставшая, вспотевшая. Злая как черт.

И ужасно недовольная тем, что бой закончился ничем.

Бен подошел к ограждению и протянул мне деньги. Я посмотрела на пачку.

— Даже не начинай, — предупредил он. — Мне сказали отдать.

— Тебе шестьдесят лет.

— Шестьдесят два.

— Пора учиться принимать самостоятельные решения.

— Я принял. Решил не спорить с Пилотом.

Сволочь.

Я выхватила деньги и наконец натянула толстовку.

Вообще-то сегодняшний вечер можно было считать абсолютным успехом.

Нико Лоредано сам приехал на «Титан». Сам вышел против меня. Сам проявил интерес. А теперь еще и оставил по-

сле себя вполне очевидный повод для следующего разговора.

Если смотреть на происходящее глазами специального агента Меган Дарт, операция наконец сдвинулась с мертвой точки.

Вот только радовало меня сейчас почему-то не это.

Я все еще чувствовала приятную тяжесть в руках. Ребра ныли. Сердце никак не хотело успокаиваться, а перед глазами снова и снова возникала довольная рожа Пилота в тот момент, когда я наконец перестала ему поддаваться.

Мне понравилось.

Не Лоредано.

Бой.

Именно бой.

Я повторила это про себя еще раз.

На всякий случай. Чтобы не перепутать, когда сяду готовить отчет.

Глава 5. Пилот

Девчонка с «Титана» понравилась мне сразу по нескольким причинам.

Во-первых, она реально круто дралась. Не в плане «девчонка умеет держать удар» – нет, у нее реально была хорошая подготовка, которую лишь чуть-чуть подшлифовать, и легко можно выставить Грозу на «золотые бои» Джокера не с целью хайпа, с заделом на реальную победу.

Во-вторых, история у нее оказалась занятной. Семь или около того месяцев на заводе, пашет у станка, а не в кабинетах бухгалтерии, кадров или закупок. До этого – армия и куча подработок, где нигде надолго не задерживалась. Долгов – дохрена, и все не ее, а доставшиеся по наследству от папочки. Выяснить все это было несложно.

Сложно было понять, какого черта баба с армейской подготовкой сдерживала себя половину нашего боя. Причем хреново сдерживала.

Я бы, может, ничего и не заметил, если бы Гроза просто дралась чуть слабее. У всех бывают плохие дни, неудачные противники и ситуации, когда руки с головой почему-то не договариваются.

Но она дважды не ударила туда, куда сама же меня вывела. А потом позволила поймать себя в захват, из которого начала уходить раньше, чем я успел его нормально поставить.

И передумала. Прямо у меня в руках.

Зачем – хороший вопрос. Может, боялась показать лишнее перед Пилотом Орсини. Может, привыкла подстраиваться под противника. Может, армия оставила после себя больше, чем значилось в ее довольно скучной биографии.

А может, просто решила мне поддаться.

Последняя версия нравилась меньше всего, хотя после того, как я отпустил девчонку, проблема неожиданно решилась сама собой.

Гроза разозлилась. И стало действительно весело.

Я до сих пор чувствовал ее последний удар по скуле. Не настолько сильный, чтобы причинить серьезный вред, но достаточно хороший, чтобы утром в зеркале меня ждало напоминание о пятничном вечере.

Хорошая девочка. Злая. Можно было повторить.

Только столкнулся с Грозой я гораздо раньше планируемого – спасибо «Титану», который последние недели я видел чаще, чем собственный дом.

Завод достался мне вместе со всем остальным дерьмом после смерти Эцио, и первое время я наивно полагал, что достаточно будет посадить туда нормального управляющего, приставить своих людей к охране и иногда интересоваться, не развалилось ли там чего-нибудь.

Лучше бы и правду «развалилось», чем то, что происходило последние месяцы.

Китайцы методично проверяли, сколько проблем можно

создать одному металлургическому заводу, не взрывая его к херам целиком.

Сначала начались перебои с поставками. Потом кто-то очень вовремя подсказал рабочим, что за риск для жизни им вообще-то маловато платят – и после обстрела автобуса с ночной сменой спорить с этим стало сложновато. Люди нервничали, охрана нервничала, управляющий звонил мне чаще, чем женщины, с которыми я когда-либо спал, а я постепенно начинал понимать, почему Эцио выглядел так, будто мечтал кого-нибудь задушить.

В итоге на «Титан» я таскался почти каждый день.

Иногда утром. Иногда ночью. Иногда дважды за сутки, потому что стоило мне уехать, как обязательно находился какой-нибудь мудака, которому срочно требовалось мое личное присутствие.

И Гроза постоянно попадалась мне на глаза.

Первый раз – у курилки возле цеха. Сама она не курила – стояла в стороне с бумажным стаканчиком, слушала двух мужиков рядом и смотрела куда-то поверх их голов. Я прошел мимо и даже не сразу понял, кого встретил.

Второй – возле проходной после смены. Третий – уже на «Титане».

Не на самом заводе – в старом ангаре.

Я пошел туда вообще не ради нее – мне нужен был начальник одной смены, а он, по заверениям всех, пошел «поглазеть». Глазеть на «Титане» можно было только на драки,

в центре которой и нашлась Гордон.

Она дралась с каким-то здоровенным парнем, которого я раньше не видел. И снова сдерживалась.

Стало любопытно. Не настолько, чтобы отменять дела, садиться в первом ряду и два часа изучать загадочную блондинку – в конце концов, у меня китайцы пытались развалить половину бизнеса, люди дохли, поставки сыпались, а Данте и без того смотрел на меня так, будто однажды все-таки спросит, какого хрена я творил. Но задержаться у стены я мог себе позволить.

Гроза пропустила удар в корпус, отступила на шаг и ответила коротким боковым. Могла сильнее – я уже знал. Она тоже. Парень перед ней – нет.

Он попер вперед, решив, что девчонку можно продавить массой, и следующие секунд тридцать она очень аккуратно объясняла ему, почему это плохая идея.

Аккуратно – ключевое слово.

Ни одного лишнего движения. Ни одного удара, после которого пришлось бы вызывать скорую. Гроза давала противнику ровно столько, сколько требовалось, чтобы победить. Не больше.

Когда все закончилось, она выбралась с ринга, стянула бинты и исчезла в толпе, даже не заметив меня.

А я остался стоять. И думать.

Один раз подобное сдерживание можно было списать на настроение. Два – на осторожность. Но чем чаще я видел

Грозу, тем меньше верил в совпадения.

Девчонка умела драться гораздо лучше, чем хотела показывать. И мне все сильнее хотелось понять, почему.

В пятницу я наконец закончил на «Титане» до начала боя, и это можно было считать достижением.

Китайцы никого не обстреляли, поставщики не позвонили с очередной проблемой, рабочие вышли в ночную смену почти в полном составе, а управляющий впервые за неделю проводил меня до двери без фразы «Нико, тут еще такое дело».

Я даже успел поужинать. А потом вместо того, чтобы свалить домой, пошел в старый ангар.

Хьюз обнаружился на привычном месте возле ринга: принимал ставки, орал на кого-то из своих помощников и одновременно умудрялся следить за двумя бугаями, которые уже месили друг друга внутри.

— Гроза сегодня дерется? — спросил я вместо приветствия.

Бен посмотрел на меня задумчиво, но делиться мыслями не стал. Умный мужик.

— Дерется, — подтвердил он.

— Когда?

— Через один бой.

Я достал деньги.

— Пятьсот на нее.

Теперь Хьюз смотрел подозрительно и даже не скрывал

этого.

— С кем дерется, спросить не хочешь? — уточнил он, но деньги забрал.

— А надо?

— Обычно люди интересуются такими вещами до того, как ставят деньги.

Я хмыкнул, глядя на то, как в старом замызганном блокноте появлялась новая запись.

— Обычно люди ставят на победителя, — заметил я.

— А если она проиграет? — поинтересовался Бен, дописывая напротив ставки мое имя.

Ответил, не задумываясь:

— Не проиграет.

Хьюз усмехнулся и ничего не сказал.

Гроза появилась минут через двадцать и заметила меня почти сразу: скинула толстовку, перекинулась парой слов с мужиком возле ринга, размяла плечи. Потом подняла голову, обвела взглядом толпу и наткнулась на меня.

Я поднял бутылку пива. Она нахмурилась. Ничего другого я и не ждал.

Рядом с ней тут же оказался Бен. Наклонился, что-то сказал, и Гроза снова вскинула на меня взгляд. На этот раз — очень выразительно.

Подошла в итоге сама.

— Ты на меня поставил? — почти с угрозой спросила она.

Я не стал отмазываться.

— Ага.

— Зачем?

Пожал плечами.

— Деньги люблю.

— Тогда зря, — бросила Гроза и начала разворачиваться, чтобы уйти.

— Не разочаровывай меня, зайка, — бросил я почти ей в спину.

Спина замерла. Я улыбнулся.

Гроза медленно обернулась ко мне и совершенно ровно заявила:

— Могу специально проиграть.

Я покачал головой.

— Не можешь.

Она прищурилась.

— Это еще почему?

— Характер говно.

Секунду Гроза просто смотрела на меня, а после ее лицо расслабилось, и она фыркнула.

Забавно. Такой веселой я ее видел в первый раз.

— А если все-таки проиграю? — уточнила она, но в серьезность такой возможности я вообще не поверил.

— Потребую вернуть пять сотен, — подыграл я.

— С процентами?

— Само собой.

— Какой жадный Пилот, — усмехнулась Гроза.

— Зато красивый.

Она закатила глаза и полезла под трос.

— Плюнь в лицо тому, кто тебе это сказал, — заявила она на прощание.

Моя улыбка стала шире.

— Подожду, когда это скажешь ты, зайка!

Гроза показала мне средний палец и переключилась на парня, который влезал на ринг в другом конце.

Я усмехнулся. Кажется, к «зайке» она постепенно привыкала. Это следовало срочно исправить.

На этот раз противник ей достался быстрый. Особых проблем Гордон он не создал, но заставил побегать.

Бой она все равно выиграла. Хорошая девочка.

Бен отсчитал мне деньги, а я дождался, пока Гордон выберется с ринга.

— Сколько? — спросила она, кивнув на купюры.

— Достаточно, чтобы поставить на тебя еще раз, — улыбнулся я.

Гроза ожидаемо не впечатлилась. Но вдруг протянула руку.

— Тогда гони половину.

— С хера ли?

Она не стушеввалась — так и продолжила стоять с протянутой ладонью. Отступать явно не собиралась, и это мне в ней, если честно, нравилось гораздо сильнее, чем должно было.

— Ты серьезно? — все-таки уточнил я.

— Абсолютно.

Ни стыда, ни совести.

Я усмехнулся и вложил в ее пальцы пару купюр.

Гроза чуть нахмурилась и верно заметила:

— Это не половина.

— Комиссия букмекера, — подмигнул я и убрал остальные деньги в карман. — В следующий раз сама ставь.

Эрика смотрела на меня так, будто собиралась придушить прямо здесь и сейчас.

— На себя нельзя, — напомнила она священное правило подпольных боев, которое обходили все подряд.

— Тогда найди надежного человека, — предложил я.

— Я думала, нашла.

Я снова расплылся в улыбке.

— Первая ошибка.

Она покачала головой и потянулась за толстовкой.

Я уже собирался уходить, когда она вдруг спросила:

— А ты?

— Что я?

Гроза кивнула на ринг.

— Когда снова выйдешь?

Я остановился.

— Соскучилась, киса?

Ее губы поджались.

— Хочу закончить начатое, — почти зло выплюнула Гордон и показала на мои зубы.

Я демонстративно провел по ним языком.

— Не сегодня, зайка, — признался с некоторым совершенно искренним сожалением.

— Боишься? — тут же попыталась поддеть Гроза.

— Ужасно.

— Так и скажи.

— Я только что сказал.

Гордон явно ждала продолжения, но я не собирался ничего добавлять — просто подмигнул ей и ушел.

Потому что драться с ней мне хотелось, еще как! Но смотреть пока было интереснее.

И поэтому через неделю я снова поставил на Грозу. На этот раз она не стала подходить и устраивать разборки, только заметила нас с Беном у ринга, посмотрела на деньги в руке Хьюза и показала мне средний палец.

Я послал ей воздушный поцелуй.

Гроза, разумеется, выиграла.

А через несколько дней мне позвонил Джейк.

Увалень Сана вообще редко когда мне звонил, поэтому я сразу заподозрил подвох. Особенно когда в трубке прозвучало:

— Твоя блондинка в субботу дерется.

Я оторвался от ящиков с оружием и одним взглядом попросил Рика продолжить.

Мой помощник кивнул, и я отошел в сторону.

— Какая еще блондинка? — уточнил я.

— Гроза.

Я остановился посреди ангара.

— Сан ее пропустил?

Уверен, что Джейк кивнул.

— Хьюз показал ее Прайсу, — назвал он одного из селекционеров Джокера. — Тот активно пытается протащить девочку в «золотые».

Она этого заслуживала, бесспорно. Только какого хрена мы сейчас обсуждали это со мной?

— И причем тут я? — все-таки спросил я у Джейка.

— Сан сказал, тебе будет интересно это знать.

Ну конечно, Сан сказал! Интересно, какая сволочь спалила ему, что я ставлю на бои Грозы? Если сам Хьюз, я вырву его старые кости и воткну обратно в произвольном порядке.

— Почему тогда не позвонил сам? — задавив раздражение, перевел я тему.

— Занят.

Я не стал уточнять, чем именно придурок Меццино был занят настолько, чтобы не простебать мой интерес к белобрысой драчунье. Но отказываться было глупо: интерес и правда был.

— С кем поставили? — бросил я в трубку.

Джейк назвал имя. Я нахмурился.

Этого парня я знал, Гроза – вряд ли. Но если и существовал шанс выяснить, сколько своих способностей она ото всех скрывала, то этот противник подойдет для нее идеально.

— Во сколько?

— В десять.

— Буду.

— Оставляю за тобой место.

И Джейк сбросил звонок.

Я еще несколько секунд смотрел на погасший экран.

Планировать заранее с учетом активности Триады было херовой затеей. Но я искренне надеялся, что субботу они мне оставят свободной.

Потому что от этих планов отказываться я не собирался.

Глава 6. Пилот

— Две тысячи на Грозу.

Рик повернул голову.

— Ты серьезно?

Я протянул деньги букмекеру и дождался, пока тот пересчитает купюры.

— Нет. Решил пошутить и отдать две штуки незнакомому мужику.

— Я не про деньги.

— А про что?

Рик посмотрел на меня так, будто всерьез переживал за мое благоразумие.

— Ты даже коэффициент не спросил, — заметил он.

— А зачем?

— Чтобы понимать, сколько выиграешь.

— Много.

— Или ничего.

Я забрал квитанцию и сунул в карман.

— Гроза не проиграет.

Рик хмыкнул.

Кажется, за последние две недели эту фразу я произносил слишком часто.

Мы отошли от стойки и вернулись к ограждению балкона. Отсюда ринг был виден целиком, а вот нас снизу – хрен.

Верхний ярус почти тонул в темноте, свет оставили только возле бара и проходов, зато площадку внизу заливало так, будто там собирались не бить друг другу морды, а снимать кино.

Собственно, примерно этим Джокер и занимался: продавал драки как шоу. Сам он, кстати, не явился — «занят», как снова объяснил Джейк, тусовавшийся где-то неподалеку. Чем именно, громила не ответил. Надо будет уточнить потом у первоисточника.

До начала оставалось минут десять. Внизу уже собирались зрители, у ринга мелькали люди Прайса и других селекторов, проталкивающих своих кандидатов. Кто-то проверял тросы, букмекеры принимали последние ставки.

Грозы пока не было, хотя ее бой стоял первым — стандартная практика: самые неизвестные разогревали публику. Так что ждать оставалось не долго.

Рик оперся предплечьями на ограждение.

— Это та девчонка, которую ты хочешь забрать к нам? — спросил он.

Именно Кейл пробивал мне досье Гордон, что обычно делал только тогда, когда я собирался пополнить свою команду головорезов новыми лицами. Так что вопрос закономерный.

— Возможно.

— И что она умеет?

— Драться.

— Очень убедительно, — хмыкнул Рик.

— Ты спросил — я ответил.

Он покосился на меня, но продолжать не стал.

За это я Рика и ценил. Если ему требовалась информация для работы, он задавал вопросы. Если я явно не собирался отвечать — не пытался залезть в голову через уши. В отличие от некоторых моих «родственников».

И все же открыть ему некоторые карты было уместно.

— Армия, — добавил я через пару секунд. — Несколько месяцев дерется на «Титане». Голова работает. Под давлением не сыплется.

— Стреляет? — тут же включил профессионала старший наемник.

— Не проверял, — признался честно.

— Нож?

— Не проверял.

— В группе работала?

— Рик!

Я повернул к нему голову.

— Что? — состроил он непонимающее лицо.

— Я пока только смотрю, — выдохнул я и вернул внимание рингу.

Краем глаза заметил, как Кейл пожал плечами.

— Вот и я посмотрю.

Внизу раздетые девчонки устроили перформанс, а после ведущий объявил о начале вечера.

Гроза вышла через минуту, только я заметил ее раньше,

чем со сцены успело прозвучать грозное имя.

Светлые волосы были собраны выше обычного, на руках черные бинты, лицо спокойное. Никаких тебе нервов перед первым нормальным боем, никакого желания оглядеться по сторонам и убедиться, сколько народу сейчас будет смотреть, как тебе бьют морду.

Хотя нет, уже на подходе она все-таки огляделась – совсем коротко. Сначала по первым рядам, потом выше. Взгляд скользнул и по балкону, и я невольно улыбнулся.

Отсюда она меня не увидит. Но, кажется, допускала, что я приду.

Хорошая девочка.

Ее противник появился с другой стороны зала и шел через толпу, мрачно глядя исключительно перед собой.

Рик выпрямился.

— Это Харпер? — уточнил он очевидное. Я кивнул. — И ты поставил две тысячи против него?

— Ага.

Теперь мой зам посмотрел на меня уже с искренним интересом. Тем, с который проверяют, не пора ли сдать босса в психушку – хотя бы на первичный осмотр.

— Ты серьезно?

Я перевел на Рика уставший взгляд.

— Мы это обсуждали пять минут назад.

— Я думал, ты знаешь что-то, чего не знаю я, — нахмурился он и снова посмотрел вниз – туда, где Гроза уже про-

бралась под тросы ринга.

— Знаю, — самодовольно признался я, вспоминая наш с ней бой.

— Что?

Я кивнул на девчонку.

— Сам смотри.

Харпера я видел раньше. Не лучший боец Джокера и даже близко не «золотой», но крепкий ублюдок с хорошей школой и отвратительной привычкой наказывать за каждую ошибку. Он не лез вперед, не пытался впечатлить публику и вообще редко делал что-то красивое.

Зато кулаками махал правильно.

Для Грозы — самое то. Если девчонка собиралась и дальше притворяться, что половина ее навыков существовала исключительно у меня в воображении, сегодня это должно было закончиться.

Поэтому раздавшемуся гонгу я радовался, как ребенок.

Первые секунд двадцать ничего интересного не происходило. Противники ходили по кругу, прощупывали дистанцию. Харпер пару раз обозначил атаку, Гроза не купилась. Потом попробовала сама, получила блок, ушла.

Нормально. Так и следовало начинать.

Еще одна атака — и снова нормально. Не идеально, но идеала тут никто и не ждал.

Рик молчал. Я тоже. Пока все было ожидаемо.

Первый чистый удар остался за Грозой — короткий, быст-

рый, точно в корпус. Харпер отступил, она не полезла следом.

Правильно. Потому что уже через миг противник вернулся, и стало понятно, что легко не будет.

Харпер оказался быстрее, чем выглядел. Не быстрее Грозы – быстрее тех мужиков, к которым она привыкла на «Титане». Он не давал ей спокойно выбрать дистанцию, постоянно заставлял перестраиваться и очень быстро понял, что продавить девчонку массой не получится – и перестал пытаться это делать. Умный.

Гроза тоже это поняла и, кажется, заулыбалась – с такого расстояния плохо было видно, но я вполне мог себе представить эту улыбку: именно так она смотрела на меня после того, как я отпустил ее в нашем бою.

После этого и началось шоу.

Она пропустила удар, тут же ответила, ушла в сторону. Харпер развернулся следом.

Гроза качнула корпусом – он повелся, открылся.

Я уже видел продолжение, Гроза – тоже. Ее правая рука пошла вперед...

И сучка изменила траекторию.

Вместо удара Гроза ушла в сторону – Харпер успел вернуть защиту.

Я нахмурился.

— Поздно, — заметил Рик.

— Нет.

— Что «нет»?

Он повернулся ко мне, но я не отрывался от драки.

— Ничего.

Пояснять было нечего и некогда – бой продолжился.

Харпер начал давить сильнее. Гроза держалась. Даже больше – временами она его переигрывала. Поддавливала на движении, заставляла промахиваться, хорошо работала ногами.

Но чего-то постоянно не хватало.

Полшага. Полсекунды. Последнего движения в связке.

Я видел это раньше, только тогда находился внутри ринга.

Гроза снова поймала Харпера на переносе веса. Могла подойти ближе – не пошла, за что закономерно через секунду получила в плечо.

— Слишком осторожная, — сказал Рик.

Я и тут промолчал, хотя мысленно уже хотел выдать тираду по поводу предусмотрительности некоторых женских особей.

Еще минута – и еще одна возможность для Грозы. Она начала движение и снова его изменила.

— Да какого хера, — раздраженно пробормотал я.

Рик повернул голову.

— Что?

— Ничего.

— Ты уже второй раз разговариваешь сам с собой.

— Не мешай.

Он усмехнулся, но заткнулся. А я перестал замечать все, кроме ринга.

Потому что теперь видел это отчетливо: Гроза не ошибалась — ошибки выглядели иначе. Ошибся — это когда поздно заметил, неправильно оценил дистанцию или купился на финт. Ну или банально не успел среагировать.

Гордон все успевала. И она точно видела все те возможности, которые давал ей противник. Но какого-то хрена выбирала вариант хуже.

Снова. И снова. Будто перед каждым действительно опасным движением внутри нее кто-то дергал ручник.

Этого кого-то мне искренне хотелось придушить.

Харпер такого подарка не оценить не мог: его следующий удар пришелся в бок.

Гроза отшатнулась. Я стиснул зубы.

— Если ты хочешь эту девчонку к нам, — раздалось спокойное слева, — она не тянет.

— Тянет.

Ответ вылетел раньше, чем я успел его обдумать.

Рик снова обернулся ко мне — я снова проигнорировал это движение.

— Нико.

Он кивнул вниз.

— Она проигрывает.

— Я вижу, — сквозь зубы бросил я.

Это и бесило: я прекрасно видел, что Гроза сама отдавала

бой. Только доказать не мог.

— Тогда что именно она тянет? — спросил Рик.

Я ничего не ответил. Потому что объяснить это человеку, который никогда не дрался с Гордон, было сложно.

Рик видел девчонку, которая хорошо держалась против более опытного бойца, но постепенно ему уступала. Я же видел Грозу.

Ту самую, которая начала выходить из моего захвата раньше, чем я его закрыл.

Ту, которая после пары слов перестала изображать хер пойми что и едва не заехала мне по зубам.

Ту, на которую я уже несколько недель ставил деньги, ни разу не спросив, кто стоит напротив.

И сейчас эта же девчонка зачем-то позволяла Харперу выигрывать. Не поддавалась – это было бы проще объяснить.

Она дралась всерьез. И злилась всерьез. Хотела победить – это было видно по каждому движению. Но стоило появиться возможности сделать что-то еще, перейти какую-то невидимую черту, как она сама себя останавливала.

Вот этого я не понимал. А когда я что-то не понимал, меня душило изнутри желанием пойти и разобраться.

Харпер снова попал – на этот раз Гроза рухнула на колени. Внизу взревела толпа.

Я вцепился пальцами в ограждение.

— Вставай, — тихо бросил я.

Она меня, конечно, не слышала, но все равно поднялась.

Умница.

Только это не отменяло того факта, что Харпер, успевший заметить все то же, что и я, пошел заканчивать.

И впервые за весь бой Гроза перестала думать.

Ушла от первого удара так быстро, что Рик рядом замолчал. Нырнула под второй. Развернулась.

Я подался вперед.

Она оказалась сбоку от Харпера – идеально. Еще движение – и он даже защититься не успеет.

Давай. Размажь его!

Гроза занесла руку – я невольно сильнее сжал перила. Но...

Она замерла всего на долю секунды – не застыла, не напугалась. Просто замерла, словно задумалась. И Харпер развернулся первым.

Блядь.

Удар пришелся ей в челюсть – Гроза устояла, но летящего к ней другого кулака уже не увидела.

Она рухнула на настил и на этот раз не поднялась.

Гонг утонул в реве зала.

Несколько секунд я просто смотрел вниз. На Харпера, которому подняли руку. На врача, уже полезшего под трос. На Грозу, которая села раньше, чем тот успел до нее добраться, зло отмахнулась от протянутой руки и встала сама.

Даже отсюда было видно, насколько она злая.

Не на Харпера. На себя.

— Я же сказал, — произнес Рик рядом.

Я медленно разжал пальцы.

— Ты ошибся.

— Она только что проиграла, — не отступал Рик.

— Я заметил.

— Тогда в чем я ошибся?

Гроза спрыгнула с ринга.

К ней кто-то сунулся с полотенцем. Она выдернула его из рук, приложила к лицу и направилась к выходу, ни разу не оглянувшись.

Я проводил ее взглядом.

— Она могла выиграть, — заявил я с такой уверенностью, которую зачастую и в своих боях не испытывал.

Рик помолчал всего три секунды и закончил:

— Но не выиграла.

Вот за это я Рика тоже ценил – он редко говорил лишнее. Зато иногда умудрялся одной фразой заебать сильнее, чем другие – часовым разговором.

Я оттолкнулся от ограждения.

— Ты куда? — тут же оживился мой зам.

— Верну свои две тысячи, — бросил я, проходя мимо.

— У букмекера?

— Нет.

Рик посмотрел вниз, туда, где несколько секунд назад скрылась Гроза.

— Нико! — донеслось мне уже в спину.

— Что?

Я обернулся через плечо.

— Оставь девчонку в покое, — дал очень несвоевременный совет Рик Кейл.

Я усмехнулся.

— Поздно.

Раздевалку я нашел со второй попытки.

Возле первой меня послали в противоположный конец коридора. Возле второй подтвердили, что белобрысая психованная девчонка действительно ушла туда минуту назад и лучше пока к ней не лезть.

Еще один полезный совет, которому я не последовал.

За нужной дверью было так тихо, что я на секунду поверил, что там никого нет.

Постучать? — я даже задумался секунды на две.

А потом все-таки опустил ручку вниз.

Глава 7. Гроза

Бинт разматывался плохо.

Кровь на нем уже подсохла, и ткань приходилось буквально отдираТЬ от костяшек – сантиметр за сантиметром, с тихим шорохом, который в пустой раздевалке звучал громче, чем весь сегодняшний зал.

Я сидела на деревянной скамье, привалившись спиной к шкафчику, и смотрела на собственные руки так, будто впервые их видела.

Одна из них только что не сделала то, что должна была.

Я отбросила бинт на пол, взялась за второй. Запястье ныло. Челюсть тоже – Харпер вложил в последний удар по-настоящему, и я до сих пор чувствовала во рту противный вкус крови. Ничего смертельного. Через пару дней даже синяк сойдет на нет.

Вот за это и было обидно больше всего – за то, что все обошлось.

Запах хлорки перебивал запах собственного пота. Как мне объяснил Прайс, мудаК, которому меня продал Бен Хьюз, раздевалки делились на мужскую и женскую, и мне очень повезло, что в моей больше никого не было. Сейчас хотелось, чтобы хоть какие-то звуки отвлекали от собственных мыслей.

Хотя полной тишины не было. Где-то за стеной капала во-

да. Слышно было, как в коридоре кто-то пробежал, как хлопнула дверь, как внизу снова заорала толпа – там уже начинался следующий бой, и всем было глубоко плевать, что Гроза с «Титана» сегодня обосралась.

Я стянула второй бинт и бросила его следом за первым.

Ну и ладно. Проиграла и проиграла. Со всяким бывает.

Эрика Гордон не была всесильной бабой. Она была женщиной, которая когда-то служила, потом мыкалась по подработкам, потом оказалась на заводе и полезла на ринг только потому, что больше нигде было выплеснуть злость. Прямолинейная. Местами недалекая. Хорошо бьет, плохо думает под давлением. Ей вполне можно было сегодня проиграть – тем более Харперу, который, судя по всему, дрался не первый год и знал, что делает.

С точки зрения легенды Эрика Гордон сегодня выглядела именно так, как должна была выглядеть: баба, которая вылезла не на свой уровень, продержалась дольше, чем от нее ждали, и в конце получила по морде.

Проблема была не в этом.

Проблема была в том, что в двух шагах от победы я, сука, замерла.

Я закрыла глаза.

Я же видела. Я видела этот момент – вот он открывается, вот его вес уходит на левую ногу, вот я уже сбоку, вот рука занесена. Еще одно движение, самое простое, самое отработанное, то, которое я делала сотни раз, то, за которое меня

когда-то хвалил инструктор в форте Брэгг, – и Харпер уходит вниз, а я забираю бой.

И вместо этого я на долю секунды начала думать.

«А Эрика Гордон так умеет?»

И все.

Пока я в своей собственной башке выясняла отношения с человеком, которым должна была быть, Харпер успел развернуться и заехать мне в челюсть.

Меган Дарт проиграла этот бой. Не Эрика.

Эрика бы, может, вообще не дошла до этой стадии – она бы поперла вперед на первой минуте, получила по печени и легла где-то к середине второго раунда, как и положено нормальной выскочке без тренера и с тремя годами армейской подготовки. Но нет. Эрика продержалась восемь минут, вытащила пару красивых моментов и почти сделала то, чего от нее никто не ждал.

А потом агент Дарт зачем-то решила, что надо еще раз проверить, вписывается ли победный прием в легенду.

Это уже не легенда, это блядство.

Я открыла глаза и посмотрела на свои руки.

Семь месяцев, Меган. Семь месяцев, а ты до сих пор не научилась не задумываться.

Я знала, что буду писать в отчете. Что бой проигран по техническим причинам, противник опытный, разница в массе и так далее. Что легенда не пострадала. Что в следующий раз надо быть аккуратнее.

Отчет я могла написать хоть сейчас, слово в слово, и он был бы абсолютно правдив.

Только не про меня.

Потому что правда была в другом: я сорвала себе бой. Не потому, что Харпер меня переиграл, — он меня ни хрена не переиграл. Он просто оказался рядом в тот момент, когда я занималась самоедством вместо работы.

Профессиональный агент ФБР под прикрытием не должен теряться между собой и ролью. Никогда. Ни на секунду. Ни в бою, ни в постели, ни в очереди за сэндвичем.

Я потянулась, подхватила со скамейки футболку и приложила к лицу. Кровь на ней осталась еще утром — своя, с рассеченной брови, которую я получила на разминке. Смешно.

За спиной — в той стороне, где в коридоре были двери, — снова кто-то прошел. Я машинально отметила шаг: тяжелый, ровный, не суетливый. Не Харпер. Не Бен. Не кто-то из местных, которые ходили вразвалку.

Я не стала оборачиваться — просто полезла в сумку за толстовкой.

Я знала, что он придет.

Не в смысле «предчувствовала» — предчувствия не входили в список моих профессиональных качеств. Просто считала: если человек таскается на все твои бои, ставит на тебя деньги, дважды подходит поговорить и один раз сам выходит против тебя на ринг, он не ограничится тем, что посмотрит, как ты проигрываешь, и молча уедет домой.

Нико Лоредано приехал сюда не из-за Харпера. Он приехал посмотреть на меня. И значит, сейчас он спустится сюда.

Я натянула толстовку через голову, откинула с лица волосы и только потом задала себе правильный вопрос.

А зачем?

Вариант первый: Пилот увидел симпатичную девчонку, которая хорошо машет кулаками, и ему захотелось. Просто, по-мужски, без всякой там высокой материи. Я, к сожалению, видела, как Пилот смотрел на меня и в бою, и после боя, и как он сказал Бену отдать мне деньги. Человек, который играет в доброго дядюшку, обычно так себя не ведет.

Вариант второй: ему нужен боец.

Этот поворот был для меня куда интереснее.

Пилот – капо. Капо Орсини не развлекаются подпольными драками из любви к искусству. Он курирует «Титан», оружие и еще черт знает что, и ему регулярно требуются люди, которые умеют держать удар и не задавать лишних вопросов. Хьюз много лет работал на Орсини кем-то вроде смотрящего, и Хьюза, насколько я знала, никто не вербовал торжественно в кабинете – он просто однажды оказался полезен и остался.

Если Лоредано сегодня пришел сказать «пойдем ко мне, зайка, я тебе дам работу получше, чем станок», – это был джекпот.

Это означало доступ к людям, к территории, к разговорам, к бумагам. Это означало не триста баксов за выход и не

семь соток за победу, а настоящую работу внутри семьи. Это означало, что семь месяцев на этом гребаном заводе наконец начнут окупаться.

Если он пришел за другим – это было хуже.

И не потому, что мне было противно. Спать с объектом разработки – классика, которую в академии обсуждали на лекциях по этике, и почти все, кто потом работал в поле, честно признавались, что хотя бы раз об этом думали. Лоредано был умен, быстр, нагл и совершенно неприлично хорошо двигался. Если бы я встретила такого в баре, я бы, наверное, даже не сразу ушла.

Но с ним все стало бы слишком сложно.

Любовник – это близко. Близко – это вопросы. Вопросы – это про досье, про родителей, про то, где ты служила, почему ушла, почему не боишься, почему у тебя, сучка, слишком уж ровный почерк в документах.

С любовником ты становишься человеком. А человеку, которому дали в руки доступ, всегда хочется большего. Ему хочется удержать.

Бойцу – нет.

Бойцу платят, дают задачу и проверяют результат. Бойцу не надо знать, откуда у тебя шрам под ключицей.

Я потеряла челюсть ладонью и поморщилась.

Значит, надо, чтобы он пришел говорить о работе.

Значит, надо быть ровно такой, какой он меня видел на ринге: злой, быстрой, упрямой и полезной. И не показывать

ему ни грамма того, что я знаю о том, кем он был для Бюро.

В коридоре снова стихло.

Я выпрямилась, сунула ноги в кроссовки и подняла голову ровно в тот момент, когда дверь открылась.

Нико Лоредано стоял на пороге и смотрел на меня сверху вниз – рыжий, недовольный, с уже почти исчезнувшим следом на скуле, который оставила ему я две недели назад.

Он оглядел меня: ссадину на щеке, толстовку, сумку на скамье. И сложил руки на груди.

— Ты должна мне две штуки, зайка.

Я даже не сразу поняла, о чем он.

Потом догадалась: букмекер. Ставка. Моя челюсть, которая сейчас пульсировала в такт сердцебиению, и его деньги, которые он только что проиграл вместе со мной.

И вот это «зайка».

Сука.

— Обойдешься, — сказала я и полезла в сумку за бутылкой воды. — Я тебя не просила на меня ставить.

— Я тебя тоже не просил проигрывать.

Я усмехнулась.

— А я и не проигрывала для тебя. Это была личная инициатива.

— Плохая, — отрезал Лоредано.

Он прошел вглубь раздевалки – не сел и не привалился к стене, как нормальный человек, а остановился посреди комнаты, будто ждал, что я вот-вот встану и начну перед ним

отчитываться.

Я достала воду, открутила крышку и сделала пару глотков, глядя на него поверх бутылки.

Злой. Не тот Пилот, который неделю назад в ангаре улыбался и посылал мне воздушные поцелуи, и не тот, который в захвате держал меня и ржал мне в ухо.

Я его не боялась, но категорически не понимала, с какого хрена мужик, который поставил на меня две штуки ради развлечения, стоял тут с таким лицом, будто я у него не бойсдула, а как минимум машину угнала.

— И ты реально приперся сюда из-за денег? — поинтересовалась я. — Я сегодня ни черта не выиграла. Отдавать мне тебе не с чего. Но, если хочешь, можешь встать в очередь — эта тоже длинная.

Лоредано прищурился.

— На деньги мне насрать, — сообщил он то, о чем я давно уже догадалась.

Я поставила бутылку на скамью.

— Тогда что ты здесь забыл? — спросила я и вытянула ноги. — Потому что со стороны это выглядит так: пришел мужик, проиграл денег, теперь стоит в чужой раздевалке и требует компенсацию.

Лоредано даже не задумался перед ответом.

— Ты не проиграла.

Я усмехнулась.

— Ты на ринг смотрел вообще? Харперу руку подняли.

— Я видел, — отрезал Пилот. — Только бой ты отдала сама, и ты это знаешь.

Ох, дерьмо.

Я не изменилась в лице — по крайней мере, очень на это надеялась. За семь месяцев в этой шкуре я научилась держать морду так, что даже Бен, который видел меня по сто раз в неделю, ни разу не заподозрил, что Эрика Гордон — не совсем Эрика Гордон.

Но проблема была не в моих реакциях, а в том, что Нико Лордеано *знал*.

Он не догадывался — именно что знал. Видел то же, что и я: этот гребаный момент, где я замерла на долю секунды, где рука пошла не туда, куда должна была, и где Харпер развернулся и забрал бой из моих рук.

— С чего ты взял, что я отдала? — спросила я лениво, будто мне вообще было плевать.

— Ты дважды не пошла в открытый бок, — прямо в больное место ткнул Пилот.

Я пожала плечами и увела взгляд в сторону.

— Может, у меня руки короткие.

— У тебя не короткие руки, — тут же последовало в ответ.

— Ты их измерял?

— Дрался с тобой, зайка, — напомнил Пилот. — Если ты вдруг забыла.

— Ты дрался со мной один раз, — рявкнула я, глядя на Лоредано со вполне обоснованной злостью. — И проиграл

по времени. Так себе аргумент.

— Ничья, — поправил рыжий.

— Мне не зачли победу, тебе — тоже. Значит, по факту я тебя не выиграла. И ты меня не выиграл.

— Уходишь от ответа.

— А ты пришел в раздевалку требовать денег, которых я тебе не должна, — парировала я. — У нас обоих проблемы.

Пилот усмехнулся, но как-то нехорошо, не по-доброму. Словно он до последнего надеялся, что с ним будут говорить честно, а теперь окончательно плюнул на это.

— Знаешь, — сказал он, закладывая руки в карманы джинс, — я тебе не букмекер.

— Я в курсе.

— И не благотворительная организация.

— Тоже заметно.

— Тогда объясни мне, — он шагнул ближе, и я, к своему стыду, отметила, что двигался он бесшумно, — какого хрена ты выходишь на ринг, если не собираешься побеждать.

Я подняла на него взгляд.

— Я дралась.

— Ты танцевала.

— А ты, видимо, большой эксперт по танцам?

— Я эксперт по людям, которые не хотят показывать все, что умеют, — сказал Лоредано. — И мне это очень не нравится.

Вот здесь мне следовало рассмеяться. Или отмахнуться.

Или сказать что-нибудь в духе «тебе-то какое дело, Пилот, я тебе не подчиняюсь».

Все это было бы правильно с точки зрения Эрики Гордон.
Но я почему-то молчала.

Потому что внутри меня, где-то между Меган Дарт и ее легендой, было ощущение, будто меня поймали за руку. Не на чем-то серьезном – я не сболтнула лишнего, не вылезла за рамки, не сделала ни одного движения, которое нельзя было бы списать на усталость или неопытность. Но Пилот все равно поймал.

И это было неприятно. Очень неприятно.

— Тебе-то какое дело, — все-таки сказала я, ровно так, как должна была сказать Эрика: зло, с вызовом.

— Мне есть дело до всего, что происходит на моем заводе, — отрезал Пилот.

— Ага. Я – часть завода? — я вскинула брови. — Может, мне в профсоюз пожаловаться?

— Ты – часть моей территории. А на своей территории я не люблю сюрпризов.

— Ничего себе, — я хмыкнула. — Я не сюрприз. Я просто баба, которая иногда бьет мужиков по морде.

— Именно, — согласился Лоредано. — Просто баба так драться не умеет.

Я заставила себя выдохнуть – так, будто мне просто надоел разговор, а не так, будто этот чертов Пилот попал в самое яблочко.

За семь месяцев я выстроила Эрику Гордон по крупицам: досье, привычки, манера говорить, то, как она держала вилку, какой рукой писала, во что верила и чего боялась. Я знала, как она отреагирует на любое слово из тех, что звучали вокруг меня в цеху, в столовой или в раздевалке. Я могла вести Эрику с закрытыми глазами.

Проблема была в том, что Эрике сейчас следовало не знать, что делать с Нико Лоредано. Она бы точно не поняла, зачем он пришел – то ли денег потребовать, то ли пресануть, то ли еще что. Она бы огрызнулась, послала его куда подальше и ушла, потому что Эрика Гордон не из тех, кто разговаривает с начальством дольше десяти минут.

А я не хотела уходить.

Не потому, что он мне нравился – хотя нравился, рыжая сволочь, тут врать себе было глупо. А потому что впервые за все это время Пилот пришел ко мне не как зритель и не как соперник. Он пришел с чем-то.

И мне нужно было понять, с чем именно.

— Слушай, — сказала я, осторожно вставая со скамьи. Ребра ныли – завтра наверняка не смогу отлепить себя с кровати. Но если сейчас все схлопнется – оно того стоило. — Ты можешь сейчас сколько угодно выяснять у меня, чего я не показала Харперу. Я тебе отвечу: ничего. Я дралась как умею. Если тебе кажется, что я плохо умею, — это твоя личная проблема и мнение о моих способностях.

— Дело не в способностях, — возразил Пилот.

— А в чем?

— В том, что ты их прячешь.

Я усмехнулась.

— Зачем мне что-то прятать?

— Вот это я и хочу выяснить.

Он смотрел на меня – прямо, без улыбки и того дурацкого обаяния, которое использовал на публике. И вот сейчас, в пустой раздевалке, где за стеной капала вода, а внизу ора-ла чужая толпа, Пилот был именно тем, кем и являлся по бумагам: капо семьи Орсини. Не веселый рыжий мужик из толпы, а человек, который умел разговаривать так, чтобы у собеседника не оставалось выбора.

— Ты будешь со мной тренироваться, — сказал он.

Я приподняла бровь.

— Чего?

— Что слышала. Тренировки три раза в неделю, в моем зале. Драться будешь с теми, кого я поставлю.

Меган Дарт внутри меня визжала от восторга. Вот оно! Вот ради чего я терпела эти семь месяцев!

— С хрена ли? — грубо отвечала Эрика Гордон.

— Потому что я так решил, — самоуверенно заявил рыжий.

— Это не причина.

— Причина, — произнес Пилот так, что кто-то другой явно перестал бы спорить, — потому что если ты продолжишь драться так, как дралась сегодня, то следующая такая «по-

беда» тебе уже не спишется, и я больше не буду ставить на тебя деньги.

— Ох, как страшно, — я скрестила руки. — Я без твоих ставок проживу.

— Проживешь, — легко согласился он. — Только недолго.

Я нахмурилась.

— Это угроза?

— Это факт. — Пилот пожал плечами. — Ты влезла в бои, которые организует Джокер через моих людей. Ты дерешься на моем заводе. Одно мое слово – и ты снова будешь разгружать вагоны после смены, только уже не за деньги, а для здоровья.

Это чертов джекпот. Лоредано не просто хотел меня себе. Он хотел меня настолько, что опустил до примитивных угроз.

Ради этого стоило проиграть.

— А ты, оказывается, дурак, — протянула я. — Думаешь, я не найду другой зал?

— Найдешь, — снова согласился он. — Только там тебя уже не будет учить никто. Будешь сама себя тренировать, как всю жизнь делала. И однажды попадешься на парня, который не станет ждать, пока ты соизволишь определиться, на каком приеме ты хочешь остановиться.

Я медленно выдохнула.

Вот в этом был весь Пилот Лоредано – ему хватило одной

драки, чтобы разобрать на молекулы мою манеру драться и найти в ней слабые места.

Этого я не учла, когда строила легенду.

— И зачем тебе это? — спросила я. — Если у меня все равно руки короткие и мозгов не хватает.

Пилот усмехнулся. Уже чуть мягче, но все еще не по-доброму.

— Затем, что мне интересно, что ты покажешь, когда перестанешь притворяться.

— Я не притворяюсь, — тут же возразила во мне Эрика Гордон.

— Притворяешься.

— Докажи.

— Не буду, — просто перестал он спорить. — Ты сама мне это покажешь. На первой же тренировке.

Тишина между нами провисела секунды три.

Внизу кто-то заорал — то ли от удачи, то ли от боли. За стеной все так же капала вода. Мои костяшки ныли, челюсть тоже, и в глубине души я очень хорошо понимала, что если сейчас откажусь — это будет первое по-настоящему глупое решение за все семь месяцев.

Потому что Эрика Гордон дралась в подвалах и надеялась, что когда-нибудь один из людей Орсини придет и предложит ей что-то. Хоть что-нибудь. Хоть работу в охране, хоть место за стойкой бара в борделе Джокера, хоть мальчика на побегушках.

А вместо этого пришел капо и потребовал тренироваться с ним.

Это было не то, к чему я готовилась. Но это было ровно то, чего я хотела.

Я снова села на скамью.

— Огласи все условия, — потребовала я.

Пилот смотрел на меня с секунду, а потом уголок его рта все-таки дрогнул – вверх, на миллиметр, но я заметила.

— Три раза в неделю. Утром, до смены или после – как скажу.

— Мне на работу в шесть утра, — отметила я.

Если бы он вдруг отменил мне смены – я бы не расстроилась, правда. Но вместо этого Лоредано хмыкнул и нагло заявил:

— Проблемы негров шерифа не волнуют.

— Я не негр и не шериф, — огрызнулась на него.

Плевать он хотел.

— Тогда тем более, — хмыкнул Пилот и шагнул к двери.

— Дальше: никаких других боев без моего согласия.

— Это как?

— Так, — он даже не остановился, чтобы посмотреть на меня. — Ты дерешься там, где я скажу, с кем скажу и когда скажу. Никаких самостоятельных пятниц на «Титане» через Бена.

Оценивать это условие я себе запретила – дома подумаю. Поэтому спросила другое:

— А если я не соглашусь?

— Тогда ты меня не услышала в первый раз, — заявил Лоредано и наконец обернулся. — И я тебе больше ничего предлагать не буду. Ни тренировок, ни денег, ни «золотых боев». Живи как жила.

Значит, ультиматум. Настоящий, без поддавков.

Я смотрела на мужика, который очень хотел казаться просто рыжим раздолбаем, и хорошо понимала, что сейчас решался не только вопрос о моих тренировках. Сейчас решалось, увижу ли я Пилота еще раз вот так — наедине, без толпы, без ринга и без дурацких шуток. Или он развернется и уйдет, а Эрика Гордон останется на заводе еще на семь месяцев, чтобы однажды в столовой случайно услышать от кого-то из мужиков, что Пилот, вон, приезжал на завод и опять с кем-то разговаривал.

Мне нужен был этот человек. Не как мужчина, с которым можно переспать в подсобке, конечно же.

Как объект.

Но, глядя в эти серо-зеленые глаза, я впервые за все время позволила себе мысль, которая мне очень не понравилась.

Как бы это ни закончилось — плохо будет в любом случае.

Глава 8. Гроза

Приглашение от Лоредано прилетело вечером следующего дня – я как раз тащилась домой на старой развалюхе, которую ФБР мне выделило в качестве личного автомобиля, и проклинала весь свет.

Станки, которые постоянно жрали металл как не в себя.

Бригадиров, которые только и умели, что орать, а не решать проблемы с инструментами.

Мужиков, которые воняли, как помойные псы, и разговаривали примерно так же.

Холодную воду в душевой. Паршивую еду в магазине у дома. Неудобную кровать.

А тут вдруг – сообщение. Адрес, время. И вместо подписи: «в твоих же интересах не опаздывать, зайка».

Я отправила ему смайлик со средним пальцем. Ждала в ответ сердечко, но не получила ничего. Даже расстроилась немного.

Вероятно, Пилот изучил мои смены, раз так уверенно приглашал в зал после обеда именно в мой выходной. Но удивляло не это, а то, каким именно оказался тренировочный клуб Лоредано.

Я почему-то ожидала чего-то... побогаче.

Не золотых гантелей, конечно – даже у мафии должны быть какие-то пределы дурного вкуса. Но в досье Орсини

хватало фотографий, чтобы примерно представлять размах их жизни. Целый закрытый поселок за высоким забором, где дома семьи стояли на приличном расстоянии друг от друга и от остального мира. Клубы Меццино в несколько этажей, в которых денег только на отделку угрохали столько, сколько я не заработала бы за всю жизнь. Машины, рестораны, недвижимость, охрана.

Поэтому от личного зала капо, который отвечал за оружие и наемников, я ждала как минимум небольшого фитнес-центра.

Ресепшен. Стекло. Хром. Новенькие тренажеры в три ряда. Раздевалки с полотенцами, которые кто-нибудь специально складывал в красивые стопочки. Может, даже бассейн – почему бы и нет, если денег девать некуда?

Навигатор привел меня на окраину города.

Я сначала решила, что ошиблась адресом. Потом решила, что ошибся Лоредано. Затем проверила сообщение еще раз и минуту сидела в машине, глядя через лобовое стекло на двухэтажное кирпичное здание, больше всего похожее на бывший склад.

Ни вывески, ни названия, ни даже гребаной таблички с режимом работы. Просто старый красный кирпич, местами потемневший от времени, высокие окна первого этажа и металлическая дверь сбоку. Перед зданием – кусок асфальта, на котором стояло несколько машин. Ни одной особенно дорогой.

Если это и был тайный мафиозный фитнес-центр, маркетолог у них явно получал деньги зря.

Я заглушила двигатель и выбралась наружу. На углу здания нашлась табличка: адрес по-прежнему совпадал с тем, что хранился у меня в телефоне. Пришлось идти.

Дверь оказалась незапертой. За ней был короткий коридор с серыми стенами, еще одна дверь – и уже оттуда доносились глухие удары.

Я толкнула ее и остановилась на пороге.

Когда-то здесь действительно был склад. Или мастерская. Или что-нибудь еще, где никому не приходило в голову заботиться о красоте помещения.

Кирпичные стены даже не стали штукатурить. Под потолком тянулись металлические балки, между ними висели длинные лампы. Пол был залит бетоном, только рабочие зоны закрывали маты. В дальнем углу стояли ринги – сразу три, полноразмерные, но без логотипов, подсветки и прочей показухи. Вдоль одной стены висели мешки. У другой теснились стойки с блинами, штангами и гантелями.

Тренажеров оказалось штук пять, и все выглядели так, будто покупали их не для красивых фотографий в интернете, а чтобы на них годами издевались здоровые мужики.

Зеркала были только там, где без них действительно имело смысл следить за техникой.

Никакого ресепшена. Никаких телевизоров. Никакой музыки. Даже кулер отсутствовал.

Зато были две огромные бочки с водой, упаковки бутылок рядом и аптечка на стене размером с небольшой шкаф.

Практично до неприличия.

Я медленно прошла внутрь.

Теперь некоторые вещи в Нико Лоредано начинали складываться в более понятную картинку.

У Джокера были клубы – места, куда приходили люди, где на них должны были производить впечатление свет, музыка, девочки, алкоголь и ощущение, что сегодня они попали туда, куда остальных не пускают.

А Пилоту, похоже, было глубоко плевать, какое впечатление производит его зал.

Сюда приходили не смотреть. Сюда приходили работать. И, судя по звукам, доносившимся от дальнего ринга, некоторые работали особенно усердно.

Я повернула голову.

Лоредано нашелся там, правда, не сразу, потому что первым я увидела мужика, который отлетел к канатам после удара в корпус.

Он был крупнее Пилота. Выше на полголовы, шире в плечах и, судя по тому, как быстро оттолкнулся от канатов, далеко не новичок. Перчатки, капа, шорты – все как положено.

Только не помогало.

Лоредано не улыбался – это оказалось настолько непривычно, что я остановилась.

За последние недели я успела увидеть его разным. Ве-

сelyм. Наглым. Самодовольным. Сосредоточенным в бою. Раздраженным вчера в раздевалке.

Но таким – еще нет.

Он не дрался ради удовольствия. И не тренировался.

Он методично избивал человека.

Причем, это была не бездумная драка, когда в ярости лезут вперед, забывая про защиту, и пытаются вложить в каждый удар все, что накопилось за день. Наоборот: Лоредано был пугающе собран.

Пропустил атаку, ушел в сторону, коротко ударил под ребра. Не стал добивать, дал противнику восстановить дистанцию. Снова подпустил. Проверил защиту двумя быстрыми ударами, заставил поднять руки и тут же пробил ниже.

Мужик отступил – Пилот пошел следом. Спокойно. Подозрительно спокойно.

— Нравится?

Я обернулась.

На скамье возле ближайшего ринга сидел мужчина, которого я раньше видела только в папках ФБР.

Рик Кейл. Правая рука Пилота. Несколько фотографий в материалах Бюро, пара пересечений с людьми Орсини, никаких обвинений, которые удалось бы довести хотя бы до суда – а список был огромным.

Поджарый, высокий, коротко стриженный мужик лет под тридцать пять, хотя по досье ему было больше. Обычный – на такого посмотришь и никогда не скажешь, что он – го-

ловорез. Одеть в костюм — и вовсе среднестатистический клерк.

Сегодня же на нем были спортивные штаны и черная футболка, а на коленях лежали бинты.

— Он давно так? — кивнула я на Лоредано.

Кейл посмотрел на часы.

— Минут двадцать.

На дальнем ринге снова глухо ударили перчатки. Я бросила туда быстрый взгляд и снова увидела, как несчастный с трудом уворачивался от кулака Лоредано.

— А тот мужик в курсе, что сделал что-то плохое?

Кейл глянул на меня исподлобья и принялся бинтовать руки.

— Ничего он не сделал.

Занятно.

— Тогда мне нравится ваша система наказаний. Очень справедливая.

— Он сам согласился, — усмехнулся Рик.

— До или после того, как узнал, в каком настроении Лоредано? — уточнила я.

— До.

— Бедолага.

На этот раз Кейл усмехнулся заметнее. А потом с ринга донеслось:

— Я все слышу, зайка.

Ну вот, хотя бы разговаривал.

Я обернулась, чтобы послать Лоредано куда подальше, но он даже не посмотрел на меня.

Его противник попробовал перейти в резкую атаку. Зря.

Пилот словно заранее знал, куда тот ударит. Нырнул под руку, оказался сбоку и дважды коротко пробил по корпусу. Второй удар сложил мужика почти пополам.

— Нико! — негромко позвал Рик.

— Вижу.

Лоредано отступил сам.

Мужчина выпрямился не сразу. Вытащил капюшон, тяжело выдохнул и посмотрел на босса так, словно всерьез пересматривал все свои решения, приведшие его сегодня в этот зал.

— Все? — глухо выплюнул он, разгибаясь.

— А ты еще хочешь? — взаправду удивился Пилот.

— Нет.

— Тогда все.

Лоредано стянул одну перчатку зубами, вторую снял уже рукой и перебросил обе через канаты.

Только после этого повернулся ко мне. Без привычной улыбки.

— Не опоздала, — констатировал Нико.

Я машинально посмотрела на часы.

— Даже на три минуты раньше. Можешь похвалить.

— Могу.

И замолчал.

Я подождала.

— И? — поторопила его.

— Не хочу.

Кажется, кто-то сегодня встал не с той ноги. Или вообще не ложился.

Лоредано выбрался из ринга, подхватил с пола бутылку воды и вылил половину себе на голову. Рыжие волосы моментально потемнели и прилипли ко лбу.

— Раздевайся.

Я посмотрела сначала на непробиваемого Рика, а после — снова на Пилота.

— Обычно перед этим женщину хотя бы кормят ужином, — заметила я.

— Обычно я не трачу деньги на женщин, которые мне должны две штуки.

Стало немного спокойнее: засранец никуда не делся. Просто сегодня был особенно злой.

— Я тебе ничего не должна, — напомнила я, поправляя сумку на плече.

— Расскажешь об этом, когда вернешь мои деньги, — отрубил Лоредано и шагнул в мою сторону.

— А можно я лучше тоже кого-нибудь побью?

Пилот наконец посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Затем и позвал.

Он кивнул в сторону Кейла.

— Переодевайся. Через десять минут на ринг.

Я еще раз посмотрела на Рика – тот уже начал наматывать бинт на второе запястье.

— Подожди, — тормознула я Нико, который уже шел куда-то дальше. — Ты предлагаешь мне драться с ним?

Без каких либо зазрений совести я ткнула пальцем в сидевшего Кейла. Он отреагировал спокойно – просто закрепил бинт и проверил, насколько крепко тот сидел.

— Поверь мне, Рик не против, — мрачно усмехнулся Лоредано, и мне почему-то показалось, что Рик как раз был очень даже против. Но его мнение, как и мое, Пилота не волновало.

— А ты? — рискнула я спросить.

Нико, видимо, готов был к этому вопросу – ответил быстро, без запинки:

— А я посмотрю.

— Позавчера было «будешь тренироваться со мной».

— Ты и будешь тренироваться со мной.

Он сделал еще несколько глотков и бросил пустую бутылку в урну у стены.

Попал.

— Но драться будешь с Риком, — закончил рыжий и изобразил очень уж опасную улыбку.

Я сделала вид, что она меня не проняла.

— Боишься опять не выиграть?

На секунду мне показалось, что я все-таки вытащу из него привычного Пилота: серо-зеленые глаза чуть сузились, но

улыбка вообще не потеплела.

— Нет, зайка. Боюсь, что сегодня забуду вовремя остановиться.

А это прозвучало уже совсем не как шутка.

Я посмотрела на мужика, которого Нико только что двадцать минут превращал в пособие по анатомии. Тот сидел на краю ринга и осторожно щупал ребра.

— Ладно, — решила я. — Рик мне нравится больше.

— Это пройдет, — отозвался Кейл.

— Не пугай девочку, — бросил Лоредано.

— Я не пугаю.

— А зря.

Рик посмотрел на него всего на секунду, но этого хватило, чтобы я поняла: дело было не во мне. Что-то случилось, и случилось совсем недавно.

Вчера в раздевалке Лоредано был раздражен мной. Сегодня – просто зол. Причем, зол так, что вместо приветствия избивал собственного человека, а теперь благоразумно решил не выходить против меня на ринг.

Любопытно. Очень.

Но Эрика Гордон не должна была интересоваться проблемами Нико Лоредано.

Эрика Гордон вообще должна была сейчас переодеться, выйти на ринг и постараться не показать его правой руке больше, чем показывала всем остальным.

Я обернулась к скамейке. Рик Кейл все еще сидел и смот-

рел на меня сверху вниз. Его лицо ничего не выражало, но по моей спине все равно пробежался холодок.

Только сейчас до меня дошло, что из двух мужчин в вер-хушке оружейного бизнеса Орсини, один уже точно знал, что я сдерживалась. А второй наверняка получил от первого прямое указание это проверить.

Похоже, тренировочка обещала быть веселой.

Выжить бы после нее.

Глава 9. Пилот

Новость пришла в двадцать три сорок.

Я как раз собирался лечь – впервые за неделю не просто лечь, а выспаться, потому что за последние сутки успел дважды побывать на складах, один раз в порту и трижды ответить Данте на вопросы, которые он наверняка прояснил еще до меня.

Телефон зазвонил, когда я стягивал футболку.

Голос Сандро я узнал бы из тысячи. Обычно он говорил насмешливо, с нескрываемым превосходством и капелькой лени. Сегодня лени не было.

— Фура не доехала.

Я сел на кровать.

— Какая фура?

— Моя. Для казино.

Джокер возил игровые автоматы для своего нового заведения – новые, блестящие, обтянутые пленкой. Обычно их перевозили ночью, по объездной, с двумя машинами сопровождения, потому что даже тупой идиот понимал: грузовик с оборудованием для подпольного казино – это не тот груз, который стоит гонять через центр.

— Где?

— На старом мосту у съезда. Там, где заправка.

Я уже собирался уточнить, чего он хотел от меня, как

вдруг до меня дошло.

В фуре Сандро шли не только игровые автоматы. В другом отсеке, под брезентом, в ящиках, которые Джокер для собственного спокойствия даже не открывал, шло мое оружие. Двести сорок единиц. Автоматы, пистолеты, винтовки, гранатометы – партия, которую я собирал почти три месяца, чтобы не подставить под Триаду, и по которой у меня уже были заказчики. Плюс боеприпасы. Плюс комплектующие, которые я ждал дольше, чем некоторые люди ждали приговор.

— Сколько?

Пришлось натягивать футболку обратно.

— Машины нет, — совсем не на этот вопрос ответил Джокер. — Моих автоматов нет. Твоих ящиков нет.

— Люди?

— Тачки сопровождения разнесли. Один охранник в больнице, трое мертвы. Свидетели ничего не видели, ничего не помнят, никого не узнали.

Я замер, засунув только одну руку в рукав.

— Ты серьезно?

— Я тебе не анекдоты рассказываю.

Я стоял посреди спальни полуодетый и смотрел на телефон так, будто он был в этом виноват.

— Кто?

— Если бы я знал, я бы не звонил тебе, а уже кого-нибудь хоронил.

Сан сбросил. Я выругался и подхватил ключи от тачки. Всю ночь я провел на ногах.

Сначала склады. Потом объездная. Потом два человека, которые могли знать хоть что-то про маршрут: логист Сандро, который клялся, что маршрут меняли за час до выезда, и выживший водитель, который ехал впереди и вообще ни хрена не видел, потому что в зеркала смотреть ему, видимо, религия не позволяла.

Потом Рик. Я поднял его в час ночи, и он приехал без вопросов.

К четырем мы знали следующее: ничего.

Ни одной камеры. Ни одного вменяемого свидетеля. На месте, где должна была быть фура, мы нашли только следы торможения, пятно масла и кусок бампера, который Рик сразу отбраковал как «оттуда же, только не от нашей машины, слишком дешевый».

К шести утра я уже понимал главное: так, блядь, не бывает.

Не бывает, чтобы грузовик, идущий по согласованному маршруту, с охраной, с человеком, который за час до выезда знал дорогу, вот так просто растворился в ночи. Либо кто-то очень хорошо поработал, либо кто-то знал маршрут заранее.

Либо и то и другое.

К семи я позвонил Данте. Разговор вышел коротким и очень нехорошим. Дон не орал, не угрожал, не спрашивал, как я мог это допустить. Он просто выслушал, а потом спо-

койно сказал:

— Найди.

И повесил трубку.

Я стоял с погасшим телефоном в руке и чувствовал, как где-то под ребрами медленно, обстоятельно закипала ярость.

Меня бесило не то, что оружие сперли – его в этом городе спереть мог каждый второй, если у него имелись мозги и достаточно тупой противник. Меня бесило, что сперли так, что я не мог найти ни одного следа. Ни одного! Ни единой зацепки, за которую можно было бы потянуть и размотать весь клубок.

Я привык, что мир состоит из закономерностей. Из людей, у которых всегда есть слабое место: долг, сестра, любовник, привычка, страх. Из тех, кого можно надавить, и тех, кто под давлением говорит все.

Сегодня утром я впервые за долгое время не мог надавить ни на кого, потому что не знал, куда именно давить.

Триада. Китайцы. Ли Чэн. Обычно они работали грубее. Обычно я оставлял после них следы, а не они после меня. Но это было очевидно настолько, что становилось глупо. Очевидное – это либо правда, либо подстава. А я не спал, я не ел нормально с прошлого вечера и я очень не любил, когда меня заставляли играть в угадайку.

К восьми утра я был у Сандро.

Выяснить у него что-то новое я не рассчитывал – просто мне нужно было на кого-то наорать, а Мещино был един-

ственным человеком в этом городе, который это заслужил. Это ведь он предложил перевезти стволы в одной фуре с автоматами. Это была его идея – «так быстрее, так дешевле, и никто не подумает, что в грузовике с игровыми автоматами может быть что-то еще». Умно. Гениально. Просто охрнительно удобно.

Я вошел в его бордель через черный ход, поднялся на второй этаж и нашел Джокера в его кабинете – за столом, с чашкой кофе и прекрасным пониманием того, зачем я вообще явился.

— Ты! — рявкнул я с порога.

— Доброе утро, Пилот, — невозмутимо отозвался Джокер.

— Это была твоя идея!

Я ткнул в его сторону пальцем и подошел ближе.

— Я в курсе.

— Ты понимаешь, что теперь из-за твоей идеи у меня нет партии на четверть миллиона?

— Я в курсе, — повторил Сандро и отставил чашку. — И я уже отправил своих людей прочесывать район. И я готов вернуть тебе стоимость груза из своего кармана. И даже готов признать, что был неправ.

Он нихрена не успокоил меня, потому что если бы проблема была только в неустойке, проблемы бы не было вообще.

— Ты думаешь, мне нужны твои деньги?

— Я думаю, тебе нужно кого-нибудь убить, — спокойно ответил Джокер. — И что если ты это сделаешь прямо здесь, то мне придется объяснять Данте, почему в моем кабинете кровь на ковре.

Я стоял и смотрел на Сана.

Он был прав. Я действительно хотел кого-нибудь убить. Просто не его.

— Найди мне людей, которые это сделали, — сказал я. — Не отмазки, не «мы работаем» и не «дай нам время». Людей. Имена. Адреса.

— Найду, — согласился Сандро. — Но не раньше, чем через сутки.

— У тебя двенадцать часов.

— Лоредано!

— Двенадцать!

Я развернулся и вышел.

Домой я не поехал. Просто сидел в машине, смотрел в телефон и ждал, пока отзвонятся те, кому я успел позвонить за ночь. Отзвонились все. Никто ничего не знал.

К обеду я понял, что если прямо сейчас не побью что-нибудь, то начну бить людей, которые этого не заслуживали.

Поэтому поехал в зал.

Рик отказался от меня сразу, еще ночью.

Он сказал это там, на объездной, пока мы стояли над куском чужого бампера и курили. Я не курил – бросил хренову лет назад, — но Кейл курил, а я стоял рядом, потому что

больше разговаривать тут было не с кем.

— Тебе надо выспаться, — сказал он тогда.

— Не могу.

— Понимаю. Но учти: завтра я с тобой драться не буду.

— Я тебя не приглашал.

— Пригласишь, — спокойно ответил Рик и затушил сигарету. — Я тебя знаю. Ты приедешь в зал, потому что дома сойдешь с ума. И ты захочешь кого-нибудь размазать. Мотта, Иглесиаса, меня — кого угодно. Так что я заранее говорю: со мной не выйдет.

— Это ты сейчас так уверен в себе? — хмыкнул я.

— Это я сейчас не даю тебе себя убить, — ответил он и пошел к машине.

Рик Кейл — единственный человек в моей команде, которому я позволял говорить мне «нет». Не потому, что он был мне другом — хотя был. И не потому, что он был мне нужен — хотя нужен. А потому, что он один умел сказать «нет» так, что это не выглядело ни подхалимством, ни бунтом, а просто фактом. Как погода.

Мотта сам согласился. Я не заставлял и не угрожал — просто вошел, снял куртку, посмотрел на его рожу и спросил, будет ли он сегодня работать. Мотта, здоровый, крепкий, без всяких там умных мыслей в голове, ответил, что будет.

Через двадцать минут он, скорее всего, об этом пожалел.

Ничего личного. Я вообще не любил вымещать дерьмо на своих — это глупо, это делает людей нелояльными, и потом с

ними невозможно работать. Но у меня внутри с семи утра сидело что-то, что требовало выхода, а Мотта был единственным человеком в зале, который имел глупость сказать «да».

Я не бил его в полную силу – просто держал темп и не давал себе остановиться. Пропускал, уходил, бил по корпусу. Раз двадцать за это время мог закончить бой и не заканчивал.

А в какой-то момент заметил движение справа и понял, что в зале стало на одного человека больше.

Про Грозу я, честно говоря, за эту ночь забыл. Не специально. Просто когда у тебя из-под носа уводят партию оружия на четверть миллиона, назначенная на после обеда тренировка как-то перестает быть событием. Я вспомнил о ней, когда увидел белобрысую макушку у входа, и первой мыслью было – вот только тебя мне сегодня не хватало.

Хотя я все равно собирался поставить ее с Кейлом. Девчонке повезло.

Гордон остановилась на пороге и принялась изучать зал. Не так, как обычно новые посетители изучали фитнес-клубы: где касса, где автомат с водой, где нормальная раздевалка. Она смотрела на ринги, на мешки, на стойки, на бочки, на аптечку. Считала. Отмечала. Проверяла выходы.

То есть делала ровно то, что делал бы я на ее месте.

Хорошая девочка. Умная.

Раздражающая, потому что умная.

Прислушиваться к ее разговору с Риком было обяза-

тельно, но я прислушивался. И понял, что пререкаться с Грозой мне нравится больше, чем мутузить несчастного солдата.

— Не опоздала, — отметил я, обернувшись к Гордон — на стене за ее спиной удачно висели часы.

— Даже на три минуты раньше, — сообщила она, сверившись со своими — наручными. — Можешь похвалить.

— Могу, — прикинул я. И честно признался: — Не хочу. Она прищурилась. Я видел, что она это отметила — не то, что я сказал, а то, как именно это сказал.

Так у нас и пойдет, подумал я. Один разговор — три слоя. — Раздевайся, — бросил я, выбравшись из ринга.

Гроза ожидаемо ошетибилась.

— Обычно я не трачу деньги на женщин, которые мне должны две штуки, — отбил я.

В ее глазах зажегся опасный огонек.

— Я тебе ничего не должна.

Я хмыкнул.

— Расскажешь об этом, когда вернешь мои деньги.

Насрать мне было на деньги. Если даже полмиллиона меня не сильно беспокоили, то что было говорить о несчастных двух штуках.

Но подкалывать Гордон мне нравилось. Настолько, что через секунду я отметил, как мое настроение немного поползло вверх. Не сильно, но уже заметно.

Вот это было неприятное открытие.

Я кивнул на Рика:

— Переодевайся. Через десять минут на ринг.

И пошел к бочке с водой.

Гроза вышла на ринг через двенадцать минут. Не через десять, за что я мысленно поставил ей минус, и не через пятнадцать, за что поставил бы минус дважды. В черных шортах, черной майке, с бинтами на руках. Волосы забрала наверх, лицо спокойное. Никакого макияжа, естественно. Никакого кокетства — а я успел насмотреться на то, как некоторые женщины выходили на ринг, будто на подиум.

Она нырнула под канат, размяла плечи, встала напротив Рика и стала ждать.

Вот это мне в ней нравилось: то, что она не разыгрывала спектакль перед боем. Пока большинство мужиков в этом зале тратили первые десять минут на то, чтобы показать, какие они опасные, Гроза уже успевала понять, кто перед ней стоит.

Я подошел ближе к рингу и облокотился на канаты.

— Правила простые, — сообщил я для нее в большей степени. — Не убивать. Все остальное можно.

— Спасибо, — язвительно отозвалась Гроза.

— И не поддаваться.

Она повернула ко мне голову и посмотрела так, что я почти поверил, что она сейчас скажет что-нибудь вежливое.

— А ты бы поспал, — предложила она. — У тебя такое лицо, будто ты всю ночь жрал им землю.

Знала бы она, насколько была права.

— Драться будешь или разговаривать? — вместо объяснений спросил я.

— Я думала, это тоже тренировка.

— Тренировка начнется, если он, — я кивнул на Рика, — не размажет тебя по настилу в первые пять минут.

Гордон перевела взгляд на противника, и лицо у нее мгновенно изменилось: стало собранным.

Я не особо верил, что Кейл сможет уложить ее в пять минут. Да и за десять — тоже вряд ли. Но это были мои выводы, которыми делиться я не собирался.

Грозе полезно немного побеспокоиться. Пусть попробует меня удивить.

Первые несколько минут Рик методично разбирал Гордон. Не в смысле бил — бить он вообще пока не собирался, по крайней мере всерьез. Он просто проверял: дистанцию, реакцию, работу ног, умение держать темп. Спокойно, методично, как человек, который делал это не в первый и не в десятый раз.

Гроза не сыпалась. Уходила, ставила блок, дважды сама обозначила атаку и оба раза откатилась.

Правильно. Но слишком медленно.

— Ты опять думаешь, — заметил я.

Она не отреагировала.

— Гроза!

— Что? — огрызнулась она через плечо, не глядя.

— Ты думаешь. Прекрати.

— Я не думаю, — рявкнула она и пропустила Рика по ребрам.

— Думаешь, — повторил я. — Причем, еще до удара. Ты уже видишь, куда бить, а потом полторы секунды решаешь, стоит ли.

Рик ударил еще раз. Гордон ушла, ответила коротким в корпус, отскочила.

— Сойдет, — сказал Рик.

— Не сойдет, — отрезал я и снова обратился к девчонке. — Он тебя не хвалил, ему просто лень разбираться.

Краем глаза я заметил, как Рик усмехнулся, но комментарий оставил без ответа.

Гроза тем временем сменила тактику и стала двигаться активнее. Это сразу стало видно: она перестала откатываться назад и начала работать по кругу, заставляя Рика разворачиваться. Он реагировал неохотно, но разворачивался, и она пользовалась — заходила ему за плечо, коротко била по корпусу и снова уходила.

Я смотрел на это и понимал, что с ней что-то не так.

Гроза работала хорошо — даже очень хорошо. Для бойца с армейской подготовкой, которая несколько месяцев дралась в заводском ангаре, — вообще отлично.

Но она все еще держалась в рамках. Не сдерживалась в движениях — сдерживалась в решениях.

Каждый раз, когда Рик ей открывался, она видела это. И каждый раз выбирала чуть более безопасный вариант. Не

худший – просто чуть более безопасный.

— Гроза! — снова не выдержал я.

— Что?!

Она пригнулась, пропуская удар Рика над головой.

— Ты сейчас снова могла его достать. Почему не достала?

— Потому что он бы меня поймал! — зло выплюнула она сквозь зубы, уходя от новой атаки.

— Не поймал бы.

— Тебе откуда знать?

— Потому что я вижу, куда он перенес вес, а ты нет, — соврал я.

Она видела, причем даже лучше меня. Просто ей нужно было, чтобы это сказал кто-то другой.

Рик снова пошел вперед, и она снова ушла. На этот раз она открылась сама – задержалась на подшаге чуть дольше, чем нужно, и Кейл этим воспользовался, поймал ее за запястье и дернул на себя.

Гроза развернулась.

Чисто. Слишком чисто.

Я стоял у канатов и смотрел, как она выходила из захвата – не вырывалась, а именно выходила, используя инерцию его движения, – и как Рик, вместо того чтобы довести захват, сам отпускал ее и отступал.

Он тоже это увидел. И, в отличие от меня, он это увидел в первый раз.

Его брови на секунду поднялись. Кейл ничего не сказал,

не посмотрел на меня и не подал ни одного знака. Просто снова встал в стойку.

А я подумал: вот. Вот теперь наблюдать стало интересно по-настоящему.

— Гроза, — позвал я.

— Чего тебе?

Она бросила в меня быстрый взгляд, но почти сразу снова переключилась на противника.

Рик, конечно же, не собирался давать нам возможности спокойно поговорить – да я и не просил об этом.

— Ты опять не пошла, — заметил я. — Была в полушаге от того, чтобы его положить. И не положила.

— Может, я устала, — огрызнулась Гордон и вытерла лицо предплечьем.

— Может, ты трусишь.

Она замерла.

Рик, который уже начал заходить сбоку, тоже замер – и посмотрел на меня с очень ясным выражением лица. Выражение это означало примерно: «Нико, ты сейчас допиздишься до того, что драться она будет с тобой».

— Ты хочешь сказать, что я боюсь? — спросила Гроза, оборачиваясь ко мне.

— Я хочу сказать, — я облокотился на канаты и посмотрел ей прямо в глаза, — что ты вошла в этот зал, потому что я тебя заставил. И дерешься ты сегодня так же – как будто тебя заставили.

Она молчала. Рик деликатно отошел к центру ринга и принялся делать вид, что его тут нет.

— Ты знаешь, сколько я сегодня спал? — спросил я.

— Мне-то откуда знать? — рявкнула Гроза и повела плечами, сбрасывая напряжение.

Я сложил пальцами ноль.

— Я сегодня вообще не спал. У меня из-под носа увели груз, я весь город перевернул вверх дном, а в итоге у меня ничего нет, ни одной зацепки, поэтому я приехал сюда только для того, чтобы кого-нибудь размазать. — Я сделал паузу.

— А теперь я стою и смотрю, как ты боишься себя показать.

Гроза смотрела на меня хмуро и не отвечала. Думала.

— Хочешь знать, что самое смешное? — продолжал я. — Мне насрать, что ты прячешь. Мне интересно, почему.

— Слушай, — сказала она наконец, и голос у нее стал совсем другим: упрямым и чуточку усталым. — Я не понимаю, с какого хрена я должна тебе что-то объяснять.

— Не должна.

— Вот именно!

— Но я трачу на тебя свое время, — сказал я. — И готов протолкнуть тебя в «золотые», куда ты сама не попадешь никогда, если будешь драться так, как сегодня.

Она молчала.

— Тебе не кажется, что это немного нечестно? — спросил я. — Что я вкалываю ради тебя, а ты ради себя — нет?

Повисла пауза. Рик в центре ринга стоял и ждал.

А потом Гроза сделала очень странную вещь: улыбнулась. Зло, криво, очень не по-хорошему. Но улыбнулась.

— Ну хорошо, Пилот, — сказала она. — Давай честно. И полезла вперед.

Нет, Гроза не сделала ничего сверхъестественного. Она не переиграла Рика Кейла, не отправила его в нокаут и вообще не выиграла ни одного раунда. Кейл – это Кейл, он тридцать лет дрался с людьми, которые хотели его убить, а в итоге умрет своей смертью в постели, потому что все, кто был быстрее и моложе, уже умерли раньше него.

Но разница была видна.

Гордон перестала оглядываться на выбор. Каждое движение стало на полсекунды быстрее – не потому, что она ускорила, а потому, что перестала перед каждым ударом спрашивать себя, разрешено ли ей его ударить. Она начала заходить Рiku за спину. Начала бить по корпусу так, что он дважды шумно выдыхал. Один раз она попала ему по скуле – не сильно, вскользь, но попала.

— Стоп, — сказал я.

Оба остановились.

— Еще раз, — потребовал я. — Только теперь ты не останавливаешься.

Я кивнул на Грозу.

Она непонимающе нахмурилась. Я – великодушно пояснил:

— Ты должна закончить. Ты ведь понимаешь, что такое

закончить?

— Понимаю, — произнесла она настолько спокойно, что я на мгновение проникся своим тренерским даром. Но лишь на мгновение. — Ты сегодня особенно невыносим, в курсе?

— В курсе, — согласился я. — Мне идет.

— Тебе не идет, — не согласилась Гордон.

— Мне всегда идет.

— Тебе идет, когда ты молчишь.

Рик на это тихо хмыкнул.

— Молчать я не умею, — признался я. — Это моя трагедия.

— Это трагедия всех вокруг.

— Драться будешь?

— Драться буду, — сказала она. — Отойди от канатов.

Я отошел. И следующие двадцать минут стоял и орал на нее как последний придурок: «Не туда!», «Не тяни!», «Ты опять размышляешь!», «Руки выше, руки выше, руки, блядь, выше!», «Ты сейчас его уронишь – не смей его отпускать». Рик при этом не сказал ни слова. Он просто работал – снова и снова, спокойно, методично, как машина.

Гроза огрызалась почти на каждое мое слово, и это было очень хорошо – именно то, что мне было нужно. Потому что, когда человек огрызался, он переставал следить за тем, как выглядел. Он переставал прятаться. Он дрался так, как умел, а не так, как ему казалось, что он должен.

К концу я даже поймал себя на том, что уже почти не ду-

мал про фуру, автоматы и двести сорок стволов.

Почти. Но не совсем. Где-то под ребрами все еще сидело это тяжелое, тупое, злое нечто, и я знал, что оно никуда не денется, пока я не найду людей, которые это сделали.

Но вся эта ситуация уже не так сильно меня душила, как пару часов назад.

— Хватит, — сказал Рик.

Он сам остановился первым – Гроза бы, скорее всего, продолжала, потому что была злая и упертая. Я видел, что она вымоталась, но и видел, что она не хочет это признавать.

Она опустила руки, наклонилась вперед, уперлась ладонями в колени и выдохнула.

Рик стянул перчатки. Он тоже дышал тяжело – сильнее, чем я ожидал.

— Ну? — спросил я у него.

— Что «ну»?

— Как тебе?

Он посмотрел на Грозу – та как раз выпрямилась и, спрыгнув с ринга, отправилась за бутылкой.

— Слушай, — произнес Кейл очень спокойно и очень тихо, чтобы девчонка не услышала. — Ты знаешь, что я никого не хвалю.

— Знаю.

Я кивнул.

— И что я не люблю баб на ринге, — продолжил Рик.

— Тоже знаю.

Он помолчал секунды три.

— Так вот, — Кейл взял небольшую паузу, за время которой мы оба проследили за тем, как Гордон откручивала крышку. — Возможно, ты был прав.

Я не стал улыбаться – во мне было для этого слишком мало сна.

— Насчет чего? — все-таки уточнил я.

— Насчет того, что из девчонки может быть толк.

Я кивнул и снова посмотрел в сторону.

Гроза стояла, задрав голову, и пила воду так, будто не пила неделю. Волосы у нее выбились из прически, на щеке расплывалось что-то, что к утру станет синяком. Руки трясло – я это видел отсюда.

Но ни разу за весь бой она не попросила перерыва – и это в ней мне тоже нравилось.

— Толк будет, — сказал я вслух. — Если она перестанет прятаться.

— А она перестанет?

Я посмотрел на Рика.

— Ей придется.

Потому что я либо узнаю, какого хрена она столько сдерживается, либо я не Пилот Орсини.

Глава 10. Гроза

За неделю в зале Лоредано я узнала больше, чем за семь месяцев на «Титане».

Осознание этого пришло ко мне в довольно унижительный момент: я сидела на краю собственной ванны, пыталась стянуть носок и всерьез размышляла, насколько обязательно для взрослого человека каждый вечер мыть ноги. Чтобы добраться до пятки, требовалось согнуться, а после тренировки с Риком Кейлом мое тело считало это необоснованным требованием.

Носок я все-таки сняла. Потом еще минуту сидела, глядя на него, и вспоминала, как Нико орал от канатов, что я опять себя жалею.

Посмотрела бы я на него после двенадцати часов у станка.

Хотя, если быть честной, Лоредано прекрасно обходился без станка. Чтобы пребывать в отвратительном настроении, ему хватало собственных дел, о которых он, к моей огромной радости, иногда вспоминал вслух.

«У меня из-под носа увели груз».

Он сказал это в первый день, когда пытался разозлить меня настолько, чтобы я перестала осторожничать с Кейлом. Для него это было объяснением того, почему он сегодня особенно невыносим. Для меня – первой полезной информацией за долгое время.

На заводе я могла неделями слушать, как Бен ругался с мастером из-за смен, кто кому задолжал после пятничных боев и у кого жена опять нашла в телефоне чужую задницу. В зале достаточно было вовремя оказаться возле бочки с водой.

Через пару дней один из людей Нико подошел к нему, пока я разматывала бинты. Они стояли достаточно далеко, чтобы разговор не предназначался для моих ушей, и достаточно близко, чтобы я услышала:

— Сандро спрашивает, что ему теперь делать с автоматами.

Лоредано тогда повернулся к нему всем корпусом.

— Купить новые, — посоветовал он таким тоном, что я почти пожалела посыльного. — И больше не рассказывать мне, как удобно возить все вместе.

Мужик попытался что-то объяснить, но Пилот уже шел к рингу и слушать его не собирался.

Я тоже пошла к рингу. Эрика Гордон ведь пришла тренироваться, а не выяснять, что именно Меццино перевозил вместе с игровыми автоматами и почему потерянный груз так сильно испортил жизнь человеку, который курировал оружейный бизнес Орсини.

Зато агент Дарт вечером получила повод написать нормальный отчет.

На следующий день куратор подтвердил: речь, по всей видимости, шла о фуре, пропавшей на подъезде к штату. У Бю-

ро уже были сведения о нападении на машины сопровождения, о погибших и об одном охраннике, который оказался в больнице. Теперь у разрозненных материалов появился владелец груза, а у самого груза — возможное содержимое, ради которого его стоило искать гораздо внимательнее.

Никто, конечно, не собирался писать в официальных документах, что оружие там было только потому, что Нико Лоредано хреново поспал и сорвался на девчонку у канатов. Но направление для проверки он нам подарил хорошее.

Второй подарок я получила в четверг.

Двое мужчин спорили возле шкафчиков о том, кому ехать к Меццино вечером. Один рассчитывал закончить пораньше, второй сообщил, что смена у служебного входа теперь начиналась на час раньше и спорить с этим можно непосредственно с Джейком.

Фамилий они не называли. Название клуба прозвучало один раз, когда я уже застегивала сумку.

Раньше Бюро связывало одного из говоривших только с Лоредано. Теперь выяснилось, что бугай работал и на объектах Джокера, причем заходил туда через дверь, до которой наши наблюдатели пока добирались гораздо реже, чем до парадного входа.

Из такого не складывалось готовое обвинение. Зато складывалась карта людей, перемещений и связей, ради которой меня, собственно, и отправили на этот гребаный завод.

— Продолжай, — сказал куратор, когда мы в последний

раз обсуждали мои отчеты. — За эту неделю у нас появилось несколько зацепок, которых раньше не было.

Я лежала на кровати и держала телефон возле щеки, потому что поднять руку выше уже не получалось.

— Могу еще прислать фотографии синяков, — предложила я. — Чтобы было понятно, какой ценой добывается информация.

— Меган.

По интонации я сразу поняла, что шутка Адаму не понравилась. Впрочем, я и не рассчитывала на бурные аплодисменты: у агента Шекли всегда были проблемы с чувством юмора.

— Все в порядке, — уточнила я, перекатываясь на здоровый бок. Здоровым он считался исключительно в сравнении с другим. — Они меня тренируют. Было бы странно выходить с ринга красивой и отдохнувшей.

Адам помолчал, а потом спросил, кого именно ставили мне в пары.

Я перечислила. Кейл. Еще двое из постоянных посетителей зала. Один мужик, имени которого я пока не знала, зато уже несколько раз успела убедиться, что у него тяжелая правая и мерзкая привычка улыбаться после каждого попадания.

— Лоредано?

— Руководит процессом, — ответила я. — Громко.

Это было очень точное определение.

За всю неделю Нико ни разу не встал со мной в пару.

Он выбирал мне противников, менял их, когда ему что-то не нравилось, заставлял повторять один и тот же заход столько раз, что я начинала ненавидеть собственные ноги. Кричал от канатов. Иногда заходил на ринг, чтобы поправить положение руки или показать, куда я опять перенесла вес.

И уходил.

В первый день я еще понимала причину. Он был злой, уставший и сам предупредил, что может забыть вовремя остановиться. Разумное решение для человека, который двадцать минут до моего прихода методично складывал собственного бойца пополам.

Но потом Нико отоспался. По крайней мере, лицо у него снова стало человеческим, а привычная наглость вернулась в полном объеме.

Он шутил с мужиками, успевал кому-то звонить между раундами, однажды сам вышел против парня, который был значительно тяжелее меня, и с большим удовольствием объяснил ему, почему размеры еще ничего не гарантируют.

Со мной продолжал работать кто угодно, кроме него.

Я перебрала несколько объяснений. Возможно, Лоредано действительно лучше видел мои ошибки со стороны. Возможно, хотел проверить меня на разных противниках. Возможно, история с грузом еще не закончилась, и с мужиками он мог позволить себе то, чего не собирался позволять со мной.

Последнее предположение особенно раздражало: я ведь не просила относиться ко мне бережнее.

Впрочем, бережным отношение Нико можно было называть только в том случае, если считать особой заботой его сегодняшний вопль:

— Гордон, ты зачем ему всю себя подставила? Хочешь обняться – дождись конца тренировки! Я помогу!

После этого он поменял мне партнера. На свежего. Пока я пыталась перестать дышать как загнанная лошадь.

К концу занятия у меня дрожали ноги, а на левом предплечье наливался очередной синяк. Лоредано оценил результат, сообщил, что завтра я наконец пойму, где у меня мышцы, и отправил переодеваться.

Я предложила ему заткнуться. Он улыбнулся так доволь-но, будто именно этого от меня и добивался.

Теперь я шла от машины к дому и думала о том, что мне вообще-то следовало радоваться. Операция двигалась. Куратор был доволен. Доступ к людям Орсини расширился настолько, что я могла узнавать полезное, просто сидя рядом и делая вид, что очень занята собственными бинтами.

А я, вместо того чтобы гордиться собой, пыталась понять, почему рыжий засранец больше со мной не дрался.

Это начинало выглядеть как личная проблема.

Сумка сползала с плеча, и я перехватила ремень, стараясь не задеть больное предплечье. До дома оставалось меньше половины квартала. На углу стояла патрульная машина,

у которой горела одна фара.

Я машинально посмотрела на нее и пошла дальше.

В этом районе копы появлялись регулярно. Иногда из-за драки, иногда из-за стрельбы, иногда просто потому, что кому-то очень не повезло жить рядом с человеком, который любил выяснять отношения в два часа ночи. Спокойное присутствие патруля скорее радовало: хотя бы сегодня до подъезда можно было дойти, не слушая чужих приключений.

У двери магазина я остановилась.

Дома оставались яйца, половина упаковки хлеба и какой-то соус, который я купила в приступе оптимизма. Соус уже пережил несколько моих рабочих недель и, судя по всему, собирался пережить меня.

Нужно было взять нормальной еды. Нормальной – по местным меркам.

Я толкнула дверь плечом, и над головой звякнул колокольчик.

Магазин занимал первый этаж дома через дорогу от моего. Узкий, тесный, с желтоватым светом и холодильником, который гудел громче, чем охлаждал. Между стеллажами с хлопьями и консервами едва помещались два человека, если хотя бы один из них был готов втянуть живот. У кассы продавались батарейки, лотерейные билеты и сигареты, а рядом стояла стеклянная банка с конфетами, которые никто не покупал с момента моего заселения.

Хозяйка была за прилавком. Я видела ее здесь утром, ве-

чером и один раз почти перед закрытием; складывалось впечатление, что домой она уходила исключительно для того, чтобы проверить, на месте ли дом.

Сегодня перед ней стоял мужчина в серой куртке.

— Я тебе сказал, они тухлые, — сообщил он, когда я прошла мимо к холодильнику.

На прилавке лежала открытая упаковка сосисок.

— Вы купили их в воскресенье, — ответила хозяйка. — Сегодня пятница. Я не знаю, как вы их хранили.

— В холодильнике, как еще? Ты меня за идиота держишь?

Я взяла молоко и проверила дату.

Чужой спор из-за сосисок не входил в мои планы на вечер. Более того, в мои планы на вечер уже с трудом входило приготовление ужина. Я могла купить что-нибудь, что разогревалось за три минуты, добраться до квартиры и наконец упасть на продавленную кровать.

— Я могу поменять упаковку, — сказала женщина. — Но деньги я вам не верну.

— А мне не нужна твоя гребаная упаковка!

Мужик ударил ладонью по прилавку. Конфеты в банке недовольно подпрыгнули.

Я задержала взгляд на этикетке молока, хотя дату уже прочитала.

Скандалист был выше меня и довольно широкий в плечах. Возраст – около сорока. Стоял уверенно, говорил отчетливо, но когда я проходила мимо, от него пахло спиртным. По-

ка он ограничивался криком. Хозяйка тоже держалась, хотя ладони убрала с прилавка сразу после его удара.

Все еще можно было взять продукты и уйти. В этом магазине была камера. На углу стояли копы. Передо мной находилась взрослая женщина, которая наверняка за годы работы научилась справляться с недовольными покупателями.

Я положила в корзинку сыр.

— Деньги давай, — потребовал мужчина. — Открывай кассу!

— Я сказала, что могу поменять товар.

— Да мне насрать, что ты сказала!

Он наклонился через прилавок, и хозяйка отступила к полке с сигаретами.

Я поставила корзинку на край стеллажа.

Черт.

Семь месяцев я училась быть Эрикой Гордон. Работать на станке. Ругаться с мастером. Делать вид, что меня волнуют деньги за бой, а не люди, которые эти деньги приносили.

Убедить себя в том, что я могу спокойно смотреть, как здоровый мужик загоняет женщину в угол, оказалось сложнее.

— Эй, парень!

Он повернулся не сразу. Сначала еще раз ткнул пальцем в сторону кассы, а потом посмотрел на меня через плечо.

— Чего?

— Она тебя услышала, — сказала я, оставаясь возле стел-

лажа. — Забери новые сосиски и дай человеку работать.

Несколько секунд он меня разглядывал. Взгляд прошелся по сумке, по толстовке, задержался на лице.

— Тебя кто спрашивал?

— Пока никто. Можешь стать первым.

Хозяйка посмотрела на меня так, будто очень хотела поблагодарить и одновременно попросить замолчать. Мужик выпрямился и развернулся уже полностью, заслонив собой половину прохода.

— Иди куда шла, — посоветовал он. — Мы сами разберемся.

Я вполне могла послушаться. Он отвлекся от женщины, перестал нависать над прилавком, и этого на первое время хватало.

На углу все еще стояла патрульная машина — достаточно было сообщить им о дебошире.

— Тогда разбирайтесь потише, — предложила я и потянулась за корзинкой.

— А то что?

Корзинку я взять не успела.

Он шагнул ко мне, задел бедром стойку с жевательной резинкой и даже не посмотрел на нее. Хозяйка что-то сказала ему вслед, но мужчина уже остановился напротив меня.

Теперь между нами оставалось меньше вытянутой руки.

Я чувствовала, как от сумки тянуло плечо. Правая нога ныла после сегодняшней тренировки, и мне до смешного хо-

телось прислониться спиной к холодильнику.

Драться я тоже не хотела.

— Ничего, — ответила я. — Куплю продукты и пойду домой. Тебе рекомендую заняться тем же.

Мужик усмехнулся.

— Ты кто такая, чтобы мне рекомендовать?

— Человек, который хочет купить молоко.

— Так покупай и заткнись.

— Отойди, и куплю.

Он посмотрел на корзинку, потом снова на меня. Я уже видела, что мирно закончить разговор ему не хотелось: хозяйка стояла за спиной, я занимала проход, а выпившему идиоту требовалось доказать, что последнее слово здесь принадлежало ему.

Очень знакомая мужская проблема.

— Блядь, какие же вы все борзые! — произнес он и ткнул меня пальцем в плечо. В то самое, на котором висела сумка. — Тебя что, мужик дома не дотраховывает?

Я перехватила ремень.

— Руки убери!

— А ты мне объясни, как надо. Давай, сука, объясни!

Он потянулся ко мне второй раз, и я отбила его руку — достаточно легко, чтобы это еще можно было принять за предупреждение.

Мужчина глянул на собственное запястье. На лице у него появилось то выражение, после которого люди обычно дела-

ли что-нибудь очень глупое.

— Ты меня ударила?

— Я убрала твою руку, — поправила я. — Еще раз полезешь...

Договорить он мне не дал — схватил за ворот толстовки и дернул на себя.

Я успела сбросить сумку раньше, чем он ударил. Ремень соскользнул с плеча, сумка стукнулась о пол, а кулак прошел рядом с моей щекой и врезался в упаковки на стеллаже.

Я развернулась, освобождая ворот, и коротко ударила мужика в корпус.

Он охнул, но хватку ослабил только на секунду. Ткань треснула у горла. Смертник попытался навалиться на меня всем весом, вжал в край холодильника, и от боли в уже отбитом плече я перестала заботиться о том, насколько вежливо выглядело мое вмешательство.

Я знала, что сильнее.

Уставшая, голодная, с гудящими ногами — все равно сильнее. Он двигался широко и медленно, держался за мою одежду так, будто это мешало мне его ударить, и каждым рывком только облегчал задачу.

Я подставила предплечье, отводя чужую голову, ударила коленом в бедро и вышла из тесного промежутка между противником и холодильником.

Мужик развернулся следом и смахнул локтем корзинку.

Молоко упало на пол. Пластик лопнул, белая лужа растека-

лась под стеллажом.

Где-то за нами кричала хозяйка. Слова потерялись за грохотом стойки, которую мужик наконец опрокинул, пытаясь снова до меня добраться.

Я видела его правую руку. Видела, как он перенес вес, собираясь ударить. Мне оставалось пропустить его вперед, зайти сбоку и закончить эту идиотскую историю.

«Не тяни», — сказал бы Лоредано.

Я и не собиралась.

Дверной колокольчик звякнул в тот момент, когда я поймала мужчину за рукав.

— Полиция! Отойти друг от друга!

Незнакомец продолжал лезть вперед. Я отвела его руку, толкнула от себя и только тогда увидела двух копов у входа.

Серьезно, блядь? Именно сейчас? Не могли зайти на пару минут пораньше?

Один уже шел к мужчине. Второй — ко мне.

— Руки покажите!

Я подняла ладони.

Сердце колотилось, дыхание еще не успело выровняться. Мужик заорал, что я на него напала, и попытался ткнуть в мою сторону. Его тут же развернули лицом к прилавку.

— Он схватил меня, — сказала я своему копу. — Я от него защищалась.

— Повернитесь.

Я посмотрела на него.

— Послушайте, женщина за кассой все видела...

— Повернитесь и заведите руки за спину, — повторил он, уже взяв меня за запястье. — Сейчас.

На долю секунды тело приготовилось вывернуться из захвата, но я остановила себя раньше, чем коп это заметил.

Прекрасно. Только сопротивления представителю власти мне не хватало.

— Вы серьезно? — спросила я, поворачиваясь. — Он бросился на меня!

Металл коснулся кожи. Полицейский с нашивками сержанта отвел вторую руку назад, и в плече прострелило так, что я выругалась сквозь зубы.

— Не дергайтесь.

— Я не дергаюсь! У меня плечо болит!

Он не ответил — только продолжил зачитывать права, проверил наручники, взял меня выше локтя и повел к двери.

Хозяйка стояла за прилавком, прижимая ладонь к груди. Возле ее ног лежала упаковка сосисок. Другой полицейский что-то спрашивал у нее, удерживая моего противника рядом, и я попыталась остановиться.

— Скажите им, — попросила я. — Вы же видели, как он...

— Давайте без этого, — перебил коп и потянул меня к выходу.

Я повернула к нему голову.

— Без чего? Без объяснений?

— В участке разберемся.

Моя сумка осталась возле холодильника, сыр валялся в молоке, а толстовка висела на мне с растянутым воротом. Ужин окончательно перестал быть ближайшей перспективой.

Когда коп пригнул мне голову, усаживая в патрульную машину, я мысленно послала к черту мужика, его сосиски, хозяйку с ее магазином и себя – особенно себя, потому что молоко можно было купить завтра.

А потом устроилась на жестком сиденье, стараясь не давить на больное плечо, и с тоской подумала, что Лоредано сегодня был прав.

Я действительно слишком много думала перед тем, как ударить.

Глава 11. Гроза

К тому моменту, когда меня завели в комнату для допросов, я успела возненавидеть сосиски, молоко и всю местную полицию — особенно ее.

Мне вернули сумку, но забрали телефон. Дважды велели помолчать, когда я пыталась объяснить, что произошло в магазине. Один раз пообещали, что сейчас во всем разберутся, после чего снова отобрали сумку, провели мимо стойки дежурного по длинному коридору и, свернув в допросную, усадили на стул возле металлического стола.

Наручники снимать никто не собирался.

— Долго мне тут сидеть? — спросила я, поворачиваясь к копу, который уже направлялся к двери. — У вас есть камера из магазина. Есть хозяйка. Есть мужик, который на меня полез. Что еще вам нужно?

— Ждите.

— Чего?

Он закрыл дверь.

Отличный разговор. Содержательный. Особенно понравилось, как подробно мне объяснили, что происходит.

Плечо ныло все сильнее. Пока меня везли сюда, я еще могла хоть немного менять положение, не задевая при этом пристроенного рядом придурка в таких же наручниках, но теперь приходилось сидеть боком, чтобы спинка стула не дави-

ла на заведенные назад руки. Толстовка натянулась на горле, и поправить ее я тоже не могла.

Я осторожно повела левым плечом и выругалась.

У комнаты не было окон. Под потолком висела камера, на столе стояла коробка с бумажными салфетками. С другой стороны стола были задвинуты еще два стула, причем один выглядел удобнее моего – видимо, тому, кто собирался задавать вопросы, полагалось больше комфорта.

Я попробовала восстановить последние полчаса.

Копы действительно были рядом. Я видела машину на углу, поэтому их внезапное появление в магазине можно было объяснить. Хозяйка нажала тревожную кнопку или кто-то услышал крики, патруль оказался поблизости, все случилось быстро.

Слишком быстро, но такое бывало.

Обоих участников драки увезли. Тоже понятно: полицейские вошли в тот момент, когда я держала мужика за рукав и собиралась закончить начатое. Со стороны это могло выглядеть как угодно.

Дальше начинались странности.

Моего противника оставили возле дежурного. Меня сразу повели сюда, хотя за всю дорогу никто толком не поинтересовался моей версией событий. Коп, который держал меня за локоть, один раз сверился с телефоном и после этого уверенно повернул в нужный коридор.

Словно знал, где меня ждали.

Я перестала ерзать.

Комната для допросов еще ничего не значила. В моей легенде хватало того, за что местные могли решить познакомиться со мной поближе: армия, подпольные бои, работа на заводе Орсини. Но тогда меня хотя бы начали о чем-то спрашивать.

Сейчас меня просто держали здесь. В наручниках. Одну. Я подняла голову к камере.

— Очень надеюсь, что запись со звуком, — сказала я. — Потому что иначе половина моих впечатлений от вашего гостеприимства пропадет.

Ответа не последовало. Зато минуты через две дверь открылась.

Я уже собиралась снова потребовать снять наручники, но слова застряли у меня в горле, когда в комнату вошел отец.

Уолтер Дарт был в темном костюме, с галстуком, который я помнила еще по тем временам, когда жила дома. Волосы у висков стали почти совсем седыми, морщины проступили сильнее, придавая лицу более грозный вид. В остальном полковник выглядел так же, как всегда: высокий, прямой, собранный человек, рядом с которым хотелось выпрямить спину, даже если до этого с ней все было в порядке.

За его плечом появился Адам Шекли.

Мой куратор окинул меня взглядом и задержался на сцепленных за спиной руках. Внешне он остался спокойным, но после того, как прикрыл дверь, сразу достал из кармана

ключ.

Я перевела взгляд на отца. Подвох наконец приобрел знакомые черты.

— Если хотел встретиться, мог просто позвонить, — заметила я. — Я бы даже ответила.

Старший Дарт остановился у стола.

— Судя по тому, что мне сообщают, свободного времени у тебя немного, — безэмоционально заметил он.

— Поэтому ты решил организовать мне семейный вечер в полиции?

Он не ответил.

Адам подошел со спины и коснулся моего локтя.

— Приподними руки чуть выше, — негромко попросил он. — Сейчас сниму.

Я подчинилась, хотя от движения плечо снова прострелило. Замок щелкнул, и я наконец вытянула руки перед собой.

На запястьях остались красные полосы. Я потерла одну из них большим пальцем и посмотрела на Шекли. Он убрал наручники, постоял рядом секунду, будто хотел что-то сказать, но в итоге обошел стол и сел на свободный стул.

Отец занял второй.

Разница в удобстве оказалась вполне закономерной.

— Мужик тоже ваш? — спросила я, кивая куда-то в сторону коридора.

— Ты вмешалась в конфликт по собственной инициативе, — совсем о другом заговорил полковник.

— Какой удачный вечер для всех остальных.

— Меган, — произнес отец, и по одному моему имени стало понятно, что запас его терпения уже заканчивался. — Давай обойдемся без этого.

Я откинулась на спинку и осторожно устроила левую руку на коленях.

Обойдусь. Куда же я денусь, раз глава регионального управления ФБР нашел время лично приехать в полицейский участок, чтобы поговорить с дочерью. Наверняка стоило оценить чужие усилия.

Хотя дочерью я сейчас была в последнюю очередь.

— Я читал твои отчеты, — перешел к делу отец.

— Тогда ты знаешь, что операция наконец сдвинулась, — поддержала я.

— Я знаю, что Лоредано пригласил тебя в свой зал и занимается твоей подготовкой к боям Меццино.

Уолтер произнес это так, будто лично застал нас с Пилотом за чем-то неприличным.

— Именно, — подтвердила я. — Там бывают его люди. Кейл бывает практически постоянно. Они разговаривают при мне, принимают звонки. За неделю мы получили больше, чем...

— Я видел результаты.

Отец положил ладони на стол и сцепил их в замок. На правой руке до сих пор блестело обручальное кольцо, которое он иногда поворачивал, когда думал. Сейчас оно оставалось

на месте.

— Меня интересует сам Лоредано, — глядя мне в глаза, сообщил Дарт. Конечно, ради меня он бы сюда не явился. А вот капо Орсини – чем не повод? — Насколько близко ты к нему подобралась?

Я посмотрела на Адама. Невысокий, невзрачный, непробиваемый, он сидел чуть в стороне и держал перед собой телефон экраном вниз.

Участвовать в разговоре Шекли явно не собирался. Зачем тогда пришел? Следить, чтобы наш общий босс не испортил ему эффективного агента?

— Достаточно близко, чтобы Пилот считал нужным тратить на меня время, — ответила я, поворачиваясь обратно к отцу. — Пока это все, что я могу утверждать.

— Он проявляет к тебе интерес?

— Как к бойцу – определенно.

Полковник продолжил смотреть на меня, ожидая остального.

Я знала этот взгляд с детства: Уолтер Дарт пользовался им, когда я приносила плохую оценку, когда отказывалась ехать на соревнования с больной ногой, когда пыталась объяснить, что после травмы моя жизнь еще не закончилась и я вполне могла сама решить, чем заниматься дальше.

Выслушивать он умел. Принимать чужие решения – уже не очень.

— Как к женщине тоже, — призналась я в том, что уже

было изложено в первом отчете по Лоредано.

Адам чуть изменил положение на стуле. Отец остался неподвижным.

— Насколько ты ему интересна? — не унимался большой начальник.

— Ты предлагаешь оценить это по десятибалльной шкале или как? — усмехнулась я.

— Я задаю тебе вопрос.

— А я не знаю ответа! — я убрала руку с коленей и положила на стол, чтобы перестать тереть запястье. — Лоредано открыто флиртует, подкалывает меня. Называет зайкой, хотя я регулярно прошу его заткнуться. На этом пока все.

— Вне зала встречались? — продолжил допрашивать отец.

— На боях.

— Наедине?

— После боя, в раздевалке. Это есть в отчете.

— Я помню.

Конечно, помнил. Отец вообще редко забывал то, что могло пригодиться против Орсини.

Некоторые люди после смерти близкого начинали пить. Некоторые уходили в работу, потому что там было легче не думать. Но мой отец думал постоянно.

О Марко Вителло, который в прошлом году убил его сына. О человеке, через которого Бюро смогло бы добраться до всей семьи. О Доне, Джокере, Пилоте и десятках других лю-

дей, которых полковник Дарт собирался однажды провести по такому же коридору, каким сегодня провели меня.

Раньше Дом Орсини был для него делом. Большим, сложным, важным делом, которое могло стать вершиной карьеры.

После смерти моего брата все остальное начало мешать.

Сроки. Осторожность. Чужие сомнения. Моя безопасность, когда ради нее приходилось замедлиться.

Я тоже хотела, чтобы Вителло ответил за то, что сделал. Хотела с того дня, когда услышала, что брата больше нет. Но иногда, глядя на отца, я уже не понимала, где у него заканчивалось расследование и начиналось желание любой ценой добраться до людей, которых Дарт ненавидел.

— Меган нормально ведет контакт, — впервые заговорил Адам — я даже прониклась к нему чем-то сродни признательности. — Лоредано сам инициирует встречи. Сейчас важно не форсировать...

— Я спрашиваю ее.

Адам замолчал.

Я почувствовала раздражение, совершенно бесполезное в этой комнате. Отец приехал сюда с готовыми выводами. Ему требовалось выяснить только то, насколько реальность позволяла ими воспользоваться.

— Ты уже была у них в поселке? — спросил он у меня.

— Нет.

— У него дома?

— Нет.

— Он предлагал?

Я покачала головой.

— Пока он предлагает мне держать руки выше и перестать думать перед каждым ударом.

— А ты перестала?

Вопрос прозвучал почти буднично, но я услышала в нем больше, чем разговор о тренировках.

— Работаю над этим.

Шекли кивнул — я не поняла, то ли от того, что одобрял мой ответ, то ли от того, что одобрял мои действия в целом. В любом случае, значения это не имело, если подобные выводы не стыковались с намерениями Уолтера Дарта — а они не стыковались, если судить по его тяжелому взгляду.

— Оставь нас на несколько минут.

Отец посмотрел на Адама — тот замешкался на пару мгновений, но все-таки поднялся с места.

— Уточню пока вопросы по задержанию Меган.

— Уточни.

Адам взял телефон, а, проходя мимо меня, бросил короткий взгляд на мое плечо, и я вдруг очень захотела уйти вместе с ним.

Вместо этого проводила его глазами до двери.

Когда мы остались одни, отец придвинул стул чуть ближе к столу.

— Ты понимаешь, какую возможность получила?

Я медленно выдохнула.

— Да. Поэтому хожу в зал Лоредано после смен, дерусь с его людьми и слушаю все, что могу услышать.

Он даже не кивнул — полковник продолжил смотреть на меня так, будто каждый мой ответ расстраивал его еще больше.

— Лоредано находится в самом близком кругу, — напомнил он то, что я и так прекрасно знала. — Он знает, как у них устроены поставки, кто отвечает за маршруты, где хранится оружие. Через него можно выйти на то, до чего мы годами не могли добраться.

— Я в курсе.

Кажется, я даже закатила глаза. И закономерно получила властно-недовольное:

— Тогда води себя соответственно!

Я посмотрела отцу в лицо.

На секунду вспомнилось, как он сидел напротив меня дома, когда врачи окончательно объяснили, что к прежним нагрузкам я уже не вернусь. На столе лежали результаты обследований, на полу — сумка, которую я еще не разобрала после больницы.

Я пыталась говорить о восстановлении. О том, что могла остаться в спорте хотя бы в другом качестве. Что ставить крест на легкой атлетике еще рано, и что при желании через год или два я снова могу попробовать вернуться на отбор в сборную.

Через минуту отец уже рассказывал про армию. Он зара-

нее все обдумал, мне требовалось только согласиться с тем, что предложенный им путь был лучше того, который я выбирала сама.

Потом появилось ФБР. В представлении Уолтера это было естественным продолжением военной карьеры, ведь я привыкла к нагрузкам, умела подчиняться, неплохо работала в поле. Зачем искать что-то еще, если все так удачно складывалось?

Сейчас складывалось снова. Удачно для него, разумеется. Мое мнение давно уже никого не интересовало.

— Что именно ты предлагаешь? — спросила я.

Отец никогда бы не явился посреди задания просто так. Он либо начал паниковать, во что я не верила, либо придумал очередной гениальный план, который я теперь должна была осуществить под его неусыпным надзором.

— Перестать держать дистанцию там, где она мешает работе, — откинувшись на спинку, заявил Дарт.

— С чего ты решил, что я держу дистанцию? — не поняла я.

— Я решил, что интерес Лоредано нужно использовать по максимуму.

Он говорил спокойно, уверенно, как на совещании, где все участники понимали поставленную задачу и могли перейти к обсуждению способов ее выполнения.

— Я использую, — с нажимом проговорила я, не совсем понимая, куда клонил отец. — Пилот мне доверяет больше,

чем неделю назад.

— Этого недостаточно.

— За неделю, — напомнила я. — Прошло всего семь дней!

— А до этого прошло семь месяцев.

Я стиснула зубы.

Уолтер видел мои отчеты. Знал, с чего начиналась операция и какое место мне отвели на «Титане», и понимал, что я не могла просто оторваться от станка и войти в кабинет Лоредано со словами: «Привет, давай я немножко разрушу твою жизнь».

Все это не было для него новым. Но сейчас, видимо, ждать полковнику надоело.

— Если Нико Лоредано захочет большего, дай ему больше, — спокойно, по-военному четко проговорил полковник Дарт.

Я какое-то время молча смотрела на него, надеясь, что он сам услышит, как двусмысленно это прозвучало — отец с легкостью выдержал мой взгляд.

— Ты сейчас о чем?

— Ты взрослая женщина, Меган, — произнес он то, о чем сам очень часто забывал. — И подготовленный агент. Мне не нужно объяснять тебе, как сближаются с мужчинами.

В комнате тихо гудела вентиляция — и мои натянутые нервы.

Я опустила глаза на свои руки. След от наручника пересе-

кал старый синяк, который я получила еще на первой тренировке с Лоредано. Подушечка большого пальца была содрана, и я почему-то только сейчас это заметила.

Все это казалось сейчас куда более существенным, чем поднятая тема.

— Если для этого нужно с ним переспать, — продолжил отец, — значит, переспи.

Он произнес это без злости или неловкости, с очевидным терпением человека, который вынужден объяснить очевидное.

Наверное, именно это оказалось самым противным.

— Ты предлагаешь это дочери или приказываешь агенту? — уточнила я на всякий случай, поднимая голову.

Отец чуть выше задрал подбородок.

— Я говорю с сотрудником, который находится под прикрытием и имеет шанс приблизить завершение важной операции.

Очень удобный ответ, после которого мне предлагалось выбрать роль.

Дочь могла бы спросить, что, блядь, с ее отцом происходило. Могла бы напомнить, что он уже потерял одного ребенка. Могла бы встать и уйти.

Сотрудник же сидел напротив руководителя управления и обязан был молча следовать приказу.

Я могла бы возразить, что такие решения не принимались за столом в полицейском участке. Могла потребовать нор-

мального обсуждения с моим куратором. Могла еще долго перечислять то, что отец и без меня прекрасно понимал.

Но сейчас речь шла о том, на что он был готов меня отправить, и это я уже слышала.

С Нико я могла переспать и без приказа – мысль об этом приходила мне в голову задолго до сегодняшнего разговора, как бы старательно я ни старалась делать вид, что все происходящее интересовало меня исключительно с профессиональной стороны.

Мне нравилось, как он выглядел. Как смотрел на меня, когда я переставала осторожничать. Как самодовольно улыбался, получив очередное предложение пойти к черту.

Он был рыжим засранцем, от которого у меня портилось настроение и совершенно некстати возникали вполне определенные желания помимо того, чтобы надрать ему задницу. Поэтому, если бы однажды я сама решила остаться с ним, мне пришлось бы разбираться с последствиями своего решения самой. Со службой, с легендой, с тем, насколько далеко я зашла.

Теперь отец заранее присвоил себе и это – сделал возможную ночь с мужчиной очередным способом получить доступ к нужной информации. Разложил все так просто, что мне стало мерзко от собственных воспоминаний о Нико.

— Ты меня слышала? — спросил полковник спустя минуту, которую мы провели в тишине.

— Услышала.

Он слегка кивнул, удовлетворенный тем, что разговор наконец стал продуктивным.

Я же вдруг поняла, что разочарование тоже могло утомлять физически. Плечо продолжало болеть, запястья горели, но сильнее всего мне хотелось, чтобы Уолтер перестал говорить.

Потому что каждый раз, когда мы встречались, от моей жизни отрывались весьма ощутимые куски.

Отец собирался добавить что-то еще, когда дверь открылась без стука.

Адам вошел быстро. По тому, как он сразу направился к отцу, я поняла, что принес новости, которые не собирался сообщать мне первой.

Шекли наклонился к начальнику и негромко произнес несколько слов – я услышала только фамилию: Лоредано.

Отец повернул голову. Переспросил что-то так же тихо, и Адам подтвердил кивком.

После этого Уолтер опасно усмехнулся – за весь разговор я впервые увидела на его лице что-то похожее на удовольствие.

— Похоже, ты недооцениваешь степень мужского интереса, — заметил он, снова посмотрев на меня.

Я постаралась максимально выпрямиться, чтобы при этом не пытаться себя болью в плече.

— Что случилось?

— Пилот договорился, чтобы тебя отпустили.

Несколько секунд я пыталась понять, каким образом эти слова относились ко мне.

Нико знал, что меня задержали.

Нико уже успел с кем-то поговорить.

Нико по какой-то причине решил потратить на меня свой вечер.

— Он здесь? — спросила я, переводя взгляд на Адама.

Шекли кивнул:

— На парковке.

Отец поднялся и поправил пиджак так, словно замявшаяся ткань была самой важной его проблемой.

— Воспользуйся этим, Меган. Пилот сам делает шаги тебе навстречу.

Мне хотелось ударить его – его, Уолтера Дарта. Мысль была ясной, злой и совершенно бесполезной.

Поэтому я продолжила сидеть, пока отец направлялся к двери, и перевела взгляд на Адама.

— Могу идти? — спросила я у куратора.

— Да. Тебе сейчас вернут вещи.

Я поднялась слишком резко, и боль напомнила о себе. Пришлось придержать руку, пока я обходила стул.

Отец стоял у прохода. Чтобы выйти, нужно было пройти совсем рядом с ним.

— Мы еще вернемся к этому разговору, — сказал он.

— Я не сомневаюсь.

Он посмотрел на меня, но я уже сворачивала в коридор.

Шекли шел следом.

По дороге к дежурному мы почти не разговаривали. Адам один раз спросил, нужна ли мне медицинская помощь. Я сказала, что нужен телефон, моя сумка и возможность уйти отсюда прежде, чем кому-нибудь опять захочется со мной встретиться.

Телефон мне вернули в прозрачном пакете вместе с ключами от дома. Сумка с разводами от подсохшего молока стояла под стойкой. Пока я проверяла вещи, дежурный что-то объяснял про дальнейшее разбирательство, но я слушала вполуха.

Перед глазами все еще стоял отец.

«Значит, переспи».

Я застегнула сумку и забросила ее на здоровое плечо.

— Меган, — тихо позвал Адам.

Я остановилась.

— Сейчас просто езжай домой.

Я хотела спросить, что именно Шекли собирался делать со всем остальным — с моим арестом, с визитом отца, с интересом Лоредано. Передумала, когда поняла, что еще одного разговора о службе сегодня не выдержу.

— Хорошая идея, — согласилась я. — Жаль, мне самой она не пришла в голову до покупки молока.

На улице было прохладно. Я вдохнула полной грудью и сразу почувствовала, насколько душно было в участке.

Парковку освещали высокие фонари. Возле въезда стояла

патрульная машина, дальше — несколько обычных автомобилей и черный внедорожник, который я заметила почти сразу.

Нико ждал рядом с ним. Прислонился бедром к переднему крылу, скрестил руки на груди и смотрел на дверь участка с таким спокойным видом, будто приехал забрать меня после работы.

Я остановилась на верхней ступеньке.

Капо Орсини стоял под окнами полиции. Спокойный, совершенно не волнующийся о том, что внутри здания находилась не просто сотня копов, мечтающих его уничтожить, но и еще один руководитель управления ФБР, который отдал бы очень многое за возможность посадить его вместе со всей семьей.

А Лоредано, судя по всему, больше беспокоило, почему я так долго выходила.

Его наглость, честно говоря, восхищала. А еще при виде него разбуженная отцом ярость становилась не раздражающей, а предвкушающей. Я все еще злилась, еще чувствовала себя так, будто меня вывалили в грязь, но теперь хотя бы знала, на кого можно было рявкнуть без необходимости поминуть о субординации.

Нико заметил меня, оттолкнулся от машины и улыбнулся.

Я спустилась с крыльца. Лоредано дождался, пока я подойду ближе, окинул взглядом растянутый ворот толстовки и мои руки, а потом поднял глаза к лицу.

— Я ведь просил не драться без моего приказа, зайка, —

произнес он так, будто мы действительно об этом договаривались. — Придется тебя за это наказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.